

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.02 Правоохранительная деятельность

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Оперативно-розыскная деятельность

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Теоретические основы квалификации преступлений»

Обучающийся

Д.В. Герасимчук
(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, Р.В. Закомолдин
(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Аннотация

Актуальность темы исследования заключается в том, что любой закон, в том числе уголовный, имеет какую-либо ценность только в том, случае если реально применяется, оказывая тем самым непосредственное влияние на регулируемые им общественные отношения. В свою очередь, с процессом применения уголовного закона связана деятельность по квалификации преступного деяния лица и точное определение статьи особенности части Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ, её части или пункта которые соответствуют совершённого виновным лицом деянию. Вместе с тем до настоящего времени основания, приёмы и способы квалификации преступлений не являются совершенными, что обуславливает необходимость их дальнейшего совершенствования.

Структура исследования обусловлена поставленной целью и задачами и состоит из введения, основной части, заключения и списка источников. В свою очередь, основная часть исследования состоит из трёх глав и десяти параграфов.

В первой главе рассматриваются общие положения об уголовно-правовой квалификации: её понятие и виды, основания применения и проблема правил квалификации преступлений.

Во второй главе раскрываются состав преступления как юридическое основание квалификации преступлений. В рамках данной главы рассмотрены значение состава преступления для квалификации преступлений и квалификация по объективным и субъективным признакам преступления.

Третья глава раскрывает специальные правила квалификации преступлений, среди которых квалификация при множественности преступлений, квалификация неоконченных преступлений, квалификация преступлений при соучастии.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Общие положения об уголовно-правовой квалификации	8
1.1 Понятие и виды уголовно-правовой квалификации	8
1.2 Основания квалификации преступлений	18
1.3 Проблема правил квалификации преступлений	26
Глава 2 Состав преступления как юридическое основание квалификации преступлений	37
2.1 Значение состава преступления для квалификации преступлений .	37
2.2 Квалификация по объективным признакам преступления.....	43
2.3 Квалификация по субъективным признакам преступления	50
Глава 3 Специальные правила квалификации преступлений.....	58
3.1 Квалификация при множественности преступлений.....	58
3.2 Квалификация неоконченных преступлений.....	65
3.3 Квалификация преступлений при соучастии	71
Заключение	80
Список используемой литературы и используемых источников.....	84

Введение

Актуальность темы исследования заключается в том, что любой закон, в том числе уголовный, имеет какую-либо ценность только в том, случае если реально применяется, оказывая тем самым непосредственное влияние на регулируемые им общественные отношения. В свою очередь, с процессом применения уголовного закона связана деятельность по квалификации преступного деяния лица и точное определение статьи особенности части Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ, её части или пункта которые соответствуют совершённому виновным лицом деянию. Правила квалификации преступлений разрабатываются в теории уголовного права на протяжении длительного времени. В этом вопросе в уголовно-правовой науке наработана значительная теоретическая база.

Вместе с тем до настоящего времени основания, приёмы и способы квалификации преступлений не являются совершенными, что обуславливает необходимость их дальнейшего совершенствования. Важность решения данной проблемы заключается в том, что лицо, нарушившее закон должно понести то наказание, которое предусмотрено законом для совершённого им деяния. Однако в виду большого количества составов преступлений, существующих тенденциях дифференциации уголовной ответственности и прочих обстоятельств, определить правильную квалификацию действий виновного, зачастую, очень сложно.

В подтверждение этого можно указать на то, что по некоторым данным, вышестоящими судами изменяется первоначальная квалификация по поступающим в суд делам в 22 % случаев. По отдельным категориям дел, в частности, против собственности, показатель переквалификаций в судебных инстанциях достигает 30% [40].

Таким образом, актуальность избранной для исследования темы обусловлена необходимостью дальнейшего совершенствования

теоретических основ квалификации преступлений, поиска путей и способов решения текущих проблем квалификации преступлений.

Различные аспекты квалификации преступлений в уголовном праве постоянно привлекают внимание отечественных учёных. Так, можно выделить следующих учёных, которые проводили исследования монографического характера: В.Ф. Антонов, А.Ю. Буланов, К.В. Безручко, Г.В. Верина, М.Л. Греков, Р.Р. Гайфутдинов, А.М. Зацепин, Н.Т. Идрисов, А.В. Игошин, С.Ю. Кораблёва, Н.Ф. Кузнецова, Н.Г. Кадников, А.В. Мотин, Н.Ф. Мурашов, В.Н. Нешатаев, И.В. Осипов, Д.М. Пайвин, Н.С. Потапенко, И.П. Пыленко, А.И. Рарог, Р.В. Радаева, В.А. Сибул, Л.Э. Спиридонова, А.А. Тарасов, В.Е. Тонков, Т.Г. Черненко, В.Б. Шакин и другие.

Исследования указанных учёных посвящались как общим вопросам квалификации преступлений, так и отдельным аспектам, например, Квалификации по субъективным признакам, преодолению конкуренции норм при квалификации, другим проблемам, связанным с квалификацией преступления. Кроме того, существенная часть исследований посвящена особенностям квалификации преступлений в отдельных сферах, например, преступлений против собственности, в сфере экономической деятельности, в сфере компьютерной информации и т.п.

Относительно большая исследованность проблемы теоретических основ квалификации преступлений, тем не менее, не отменяет актуальность новых исследований в данной сфере, поскольку до настоящего момента теория квалификации преступлений требует своего дальнейшего совершенствования.

Объектом исследования выступают теоретические основы квалификации преступлений в отечественном уголовном праве.

Предметом исследования выступают нормы права, регулирующие основания и правила квалификации преступлений в отечественном уголовном праве. Такие нормы содержатся, прежде всего, в Конституции Российской Федерации от 12.12.1993 года, в Уголовном кодексе Российской

Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (далее – УК РФ), в федеральных законах о внесении изменений. Кроме того, в качестве предмета исследования выступает сложившаяся судебная практика по квалификации преступлений, доктринальные воззрения отечественных учёных уголовного права.

Целью настоящего исследования выступает комплексное исследование теоретических основ квалификации преступлений в Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели, необходимо решить следующие задачи:

- определить понятие и виды уголовно-правовой квалификации;
- исследовать основания квалификации преступлений;
- выявить и рассмотреть проблемы правил квалификации преступлений;
- определить понятие состава преступления, его виды и значение для квалификации преступлений;
- проанализировать квалификацию по объективным признакам преступления;
- охарактеризовать квалификацию по субъективным признакам преступления;
- проанализировать квалификацию при множественности преступлений;
- проанализировать квалификацию неоконченных преступления;
- проанализировать квалификацию преступлений при соучастии;
- проанализировать квалификацию содеянного при обстоятельствах, исключающих преступность деяния.

Методологическую основу исследования составляют такие методы научного познания, как диалектический метод, приёмы восхождения от абстрактного к конкретному, анализа и синтеза, логики. Кроме того, использованы специальные методы юридической науки, такие как: формально-правовой, сравнительно-правовой и историко-правовой.

Теоретическую основу исследования составили труды таких учёных, как: А.Г. Блинов, А.М. Герасимов, В.В. Векленко, Л.Д. Гаухман, Н.Т. Идрисов, А.В. Иванчин, А.В. Князева А.А. Князьков, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, Н.А. Лопашенко, С.В. Макаров, Н.В. Нешатаев, К.В. Ображиев, Г.В. Пусурманов, И.П. Пыленко, Н.Н. Рогова, Р.А. Сабитов, Т.Г. Черненко и других.

Нормативную основу исследования составили Конституция РФ, УК РФ, федеральные законы о внесении изменений в УК РФ.

Эмпирическую основу исследования составили постановления Пленумов ВС РФ принятых по вопросам связанным с квалификацией преступлений, решение судов общей юрисдикции различных инстанций по уголовным делам.

Практическая значимость исследования заключается в том, что её результаты могут быть использованы в процессе обучения по дисциплинам уголовно-правового характера при обучении теоретическим основам квалификации преступлений. Кроме того, по результатам исследования были разработаны собственные предложения по совершенствованию оснований, приёмов и способов квалификации преступлений.

Структура исследования обусловлена поставленной целью и задачами и состоит из введения, основной части, заключения и списка источников. В свою очередь, основная часть исследования состоит из трёх глав и десяти параграфов.

Глава 1 Общие положения об уголовно-правовой квалификации

1.1 Понятие и виды уголовно-правовой квалификации

В первую очередь, обратим внимание на значение института уголовно-правовой квалификации. Основными началами уголовного законодательства выступает реализация критерия справедливости, т.е. назначение справедливого вида и размера наказания. В свою очередь справедливость будет реализована тогда, виновный будет привлечён к установленной законом ответственности, а невиновное лицо не будет привлечено к ответственности. В зависимости от состава уголовного преступлений, законодатель определяет различные виды и размеры наказаний. Соответственно, ошибка в квалификации деяния лица неизбежно приведёт к назначению ему вида и размера наказания, которое он нести не должен, а следовательно, будет нарушен не только принцип справедливости, но и принцип законности. Для реализации справедливости и законности необходимо правильно квалифицировать совершённое лицом деяние, в связи с этим, квалификация представляется в качестве центрального звена правореализации и правоприменения в отношениях, регулируемых уголовным законом.

Квалификация преступлений, непосредственно связана с такими разделами уголовного закона, как раздел IV, посвящённый вопросам освобождения лица от уголовной ответственности, со структурными элементами в которых определяются правила назначения наказаний и прочее. При этом, как отмечает В.Н. Нешатаев, «в целом предназначение уголовного права сводится к регулированию двух основных процессов: квалификации и назначения наказания, причем второй рассмотрен в УК РФ максимально детально, первый вообще не представлен. Такая ситуация не нова, однако в уголовном законе ощущается явный дефицит правовой регламентации данного института. Это связано с необходимостью единообразного

понимания квалификации и совершенствования связанной с ней правоприменительной практики» [38, с. 14]. На недостаточность правового регулирования правил квалификации преступлений указывают и другие учёные, например, В.В. Векленко [6, с. 12]. С данным утверждением необходимо согласиться. Действительно, вопросы определения вида и размера, назначаемого виновному лицу наказания в УК РФ регламентированы довольно детально. А вот нормативные предписания относительно того по каким правилам необходимо разрешать вопрос о наличии или отсутствия в деянии лица состава преступления и определять тождественность деяния конкретному составу преступления, практически отсутствуют, они не систематизированы. При этом, следует отметить, что практика комплексного правового регулирования данного вопроса существует, в том числе на постсоветском пространстве, например, в Уголовном кодексе Республики Молдова [64] в котором содержится глава XII, предметно посвящённая вопросам квалификации преступлений.

Также обращает на себя внимание то обстоятельство, что уголовно-правовая оценка деяния лица имеет определяющее значение не только для сферы применения уголовного законодательства, но и для других сфер, например, уголовно-правовая квалификация деяния лица необходима при решении задач оперативно-розыскной деятельности, при определении гражданско-правовых последствий совершённого лицом преступления и т.п.

При этом, справедливо стоит отметить, что в отличии от законодательства, отечественная уголовно-правовая доктрина давно уделяет внимание различным вопросам квалификации преступлений. В том числе и вопросу понимания данного явления.

Ещё в советский период В.Н. Кудрявцев предложил под уголовно-правовой квалификацией понимать «установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, указанного в уголовно-правовой норме» [26, с. 5]. Кроме того, указанный учёный рассматривал квалификацию

преступлений в двух аспектах: как процесс квалификации и как полученные в результат (вывод). Процесс подразумевает под собой установление наличия или отсутствия признаков определённого преступления в действиях лиц, а результат представляет собой официальное признание вывода сформированного по результатам процесса квалификации в т.ч. его закрепление в юридически значимом документе.

Обозначенный подход к пониманию квалификации преступлений с указанного периода в целом является основным в отечественной науке уголовного права. Общепризнанность такого подхода, вместе с тем, не исключала его различные формулировки и варианты дополнения. Например, в 1998 году Т.Г. Черненко предложил понимать под рассматриваемым явлением «установление в ходе поиска истины по делу точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного конкретной уголовно-правовой нормой, и его юридическое закрепление в уголовно-процессуальном акте» [68, с. 10]. Другой учёны Л.Д. Гаухман в 2001 году под квалификацией преступления предложил понимать «установление и юридическое закрепление точного соответствия между фактическими признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, описанного в уголовном законе, а также в других законах и (или) иных нормативных правовых актах, ссылки на которые содержатся в бланкетных диспозициях статей Особенной части УК РФ» [9, с. 18].

Современные подходы к пониманию квалификации преступления также в целом основаны на вышеуказанной исторически сформированной позиции, вместе с тем, предлагают и определённые новшества. Так, В.Н. Нешатаев в диссертационном исследовании 2019 года посвящённом вопросам теории практики и правовой регламентации квалификации преступлений, предлагает вместо термина деяния или действие лица применять термин «содеянное». По мнению учёного использование обозначенного термина в большей степени соответствует всем признакам

совершённого лицом деяния которые относятся не только к внешнему выражению поведения лица, но и к потерпевшему и причинённому им вреду [38].

Отметим, что большая часть учёных определяет объект уголовно-правовой оценки через термин «деяние». Именно с данной позицией необходимо согласиться, поскольку она соответствует содержанию уголовного законодательства и сложившейся правоприменительной практики определения акта поведения как деяния заключающегося в действии или в бездействии (ст. 8, ч. 1 ст. 14 УК РФ), либо в совокупности данных актов поведения человека. Кроме термина «деяние» уголовный закон также использует термин «посягательство», который содержится при определении задач уголовного закона в ч. 1 ст. 2 УК РФ, а также при раскрытии оснований для исключения преступного деяния (ст. 37 УК РФ), а также в составах конкретных преступлений (п. «а» ч. 3 ст. 205, ст. ст. 277, 295, 317 УК РФ). Представляется, что существенной разницы между двумя обозначенными терминами не имеется и они могут быть использованы для характеристики объекта уголовно-правовой оценки (квалификации).

Представляется важным обратить внимание на то обстоятельство, что в результате процесса квалификации деяния может быть сделан вывод о том, что свершённое деяние, посягательство либо содеянное не является преступлением. В связи с этим, в понятие квалификации преступления не следует вкладывать такие характеристики именно преступного деяния, как его общественная опасность, противоправность и т.п. В связи с этим, позиции отдельных учёных, которые в основу понимания рассматриваемого термина в качестве объекта вкладывают общественно-опасное деяние [57, с. 18], [59, с. 77] и прочие подобные подходы, представляются необоснованными.

В.Н. Нешатаев под квалификацией преступлений предлагает понимать «установление наличия или отсутствия в совершенном посягательстве законодательно закрепленных общих признаков преступления и признаков

конкретного преступления, достаточных для реализации уголовной ответственности или ее исключения» [39, с. 20]. Кроме того, учёный предлагает решить проблему вакуума правового регулирования вопросов квалификации преступлений через введение в уголовный закон предлагаемой им дефиниции «квалификации преступления».

А.А. Князьков подходит к вопросу определения рассматриваемого термина через его признаки. В качестве таковых указывается, что квалификация одновременно представляет собой и деятельность, и результат такой деятельности; предметом (объектом) оценки выступает совершённое лицом деяние (фактически совершённое); в качестве средства оценки выступает состав уголовного преступления; в качестве сущности оценки выступает установление в фактически совершённом деянии наличия или отсутствия признаков состава преступления [25, с. 16]. На основании этого, учёный под квалификацией преступления предлагает понимать: «установление в совершенном деянии наличия признаков состава преступления, т. е. соотнесение признаков содеянного и признаков состава преступления, итогом которого является констатация совпадения или несовпадения таковых» [25, с. 17].

В целом необходимо отметить достоинства предложенного определения, поскольку они учитывают оба признаваемых аспекта уголовно-правовой квалификации: функциональный аспект (деятельность) и результат такой деятельности (положительный или отрицательный ответ на вопрос о преступности или неправомерности совершённого деяния). Кроме того, обращает на себя внимание то, что результат процесса квалификации может быть либо положительным (наличие признаков состава преступления, их полное совпадение), либо отрицательным. Вывод согласно которого, деяние признаётся преступлением, однако, не установлено каким именно из них (в т.ч. при конкуренции нескольких норм), безусловно, будет являться промежуточным этапом квалификации, но не завершённым процессом.

Также отметим, что в целом, понимание квалификации как совокупности двух элементов (установление и юридическое закрепление) распространён в уголовно-правовой науке.

Несколько иной подход при определении рассматриваемого термина использует Н.Т. Идрисов, который в монографии 2015 году определяет квалификацию преступлений следующим образом: «познавательная деятельность правоприменителя, носящая уголовно-правовой характер, которая проходит в два этапа: этап познавательной деятельности, не связанной с принятием решений, имеющих правовое значение, и этап принятия решений о совершении лицом преступления» [15, с. 38]. С данным определением также можно согласиться.

Формируя собственное представление о наиболее правильном понимании квалификации преступлений, отметим следующее. Исходя из анализа положений уголовного законодательства а также рассмотренных выше мнений представителей науки уголовного права, квалификация представляет собой определение предусмотренного в УК РФ состава преступления признаки которого в полной мере соответствуют признакам совершённого деяния, являющегося предметом оценки. Кроме того, с учётом наличия правил содержащихся в Общей части УК РФ относительно отдельных вопросов определения формы вины, оконченного или неоконченного преступления, множественности и других правил, последние также оказывают непосредственное влияние на результат квалификации, в связи с чем, квалификация представляет собой не только сопоставление предмета квалификации с признаками состава преступления, но и оценки совершённого деяния на предмет соответствия другим правилам и условиям наступления уголовной ответственности.

Таким образом, квалификацию преступлений представляется необходимым определить, как процесс оценки совершённого лицом деяния на предмет соответствия его признакам состава уголовного преступления, по результатам которого делается вывод о наличии или отсутствии такого

соответствия. В данном определении намеренно не указывается на юридически значимое документальное закрепление результатов оценки, поскольку квалификация преступлений (собственная позиция) может осуществляться как уполномоченными на то судебными, другими правоохранительными органами, так и лицом совершившим деяние являющееся предметом оценки, его защитником, представителями СМИ, учёными и вообще кем угодно, кто считает необходимым высказать собственное мнение на этот счёт. При этом, официальной итоговой квалификацией будет выступать решение судебного органа которым оканчивается производство по уголовному делу тем или иным образом, либо решение принятое представителем органов досудебного расследования по предусмотренным законом основаниям (например, отказ в возбуждении уголовного дела, прекращение уголовного дела, освобождении лица от уголовной ответственности и т.п.).

Далее рассмотрим существующие виды уголовно-правовой квалификации. Анализ научных взглядов также показывает их разнообразие и различные подходы в этом направлении, этому вопросу посвящены множество отдельных исследований [31], [36]. Анализ позиций по этому вопросу, показывает, что основным делением уголовно-правовой квалификации является её деление на официальную или неофициальную. В частности, такое деление было предложено В.Н. Кудрявцевым [27, с. 140].

Существо официальной квалификации заключается в том, что она осуществляется уполномоченными должностными лицами и оформляется при помощи принятия юридически значимым решением в виде уголовно-процессуальных документов. В свою очередь, неофициальная квалификация осуществляется лицами, которые не наделены такими полномочиями действовать от имени государства.

Кроме того, можно выделить деление квалификации преступления на правильную или неправильную. Квалифицирующим признаком в таком случае выступает точность вывода о квалификации определённого деяния.

«При этом неправильная может быть недостаточной, когда фактические признаки преступления не находят полного отражения в применяемой норме, и избыточной — когда они имеют излишнее отображение» [18, с. 39]. Отметим также, что неправильная квалификация может быть, как официальной, так и неофициальной. Например, суд первой инстанции при вынесении приговора признаёт лицо виновным в совершении определённого преступления, в последующем, в процессе осуществления судебного контроля вышестоящими инстанциями, например, судом кассационной инстанции, лицо признаётся невиновным, совершённое им деяние признаётся не преступным.

Ещё одним вариантом квалификации может быть использование критерия субъекта осуществляющего рассматриваемую квалификацию. По такому критерию выделяют следующие виды квалификации: осуществляемую уполномоченными должностными лицами правоохранительных органов; квалификация, которая осуществляется должностными лицами, служебные обязанности которых не связаны с расследованием либо раскрытием преступлений; квалификация, которая осуществляется частными лицами [5].

Представляется, что классификация видов квалификации преступлений по критерию субъекта не вполне верна. В первую очередь, необходимо выделить официальную квалификацию преступлений, которая осуществляется в первую очередь судебной системой (как итоговая, так и промежуточная квалификация), так и правоохранительными органами, наделёнными полномочиями по квалификации деяния (рассмотрение сообщений о совершённых преступлениях, проведение дознания по уголовным делам, расследование уголовных дел, прокурорский надзор за законностью досудебной стадии производства по уголовному делу. Следует отметить, что другие должностные лица государственных органов не уполномочены осуществлять собственную «непроцессуальную» квалификацию преступлений, это будет превышением или выходом за

пределы должностных полномочий и нарушением конституционного принципа законности. Ко второй группе субъектов осуществляющих квалификацию необходимо отнести заинтересованных участников уголовного процесса. В первую очередь, это лицо совершившее деяние (в т.ч. подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осуждённый), его защитник, другой представитель оказывающий ему юридическую помощь, лицо, которое считает, что в результате совершённого деяния ему был причинён вред (в т.ч. потерпевший, гражданский ответчик), заявитель, другие участники уголовно-процессуальных отношений, которые имеют собственный интерес в исходе дела, например, гражданский истец и гражданский ответчик и т.п. Позиция данных лиц с одной стороны не обладает в полной мере признаками официальности, с другой стороны, она учитывается в ходе процесса, суд оценивает обоснованность данной позиции наряду с позицией стороны обвинения. Все остальные субъекты, которые осуществляют уголовно-правовую квалификацию, в т.ч. неофициальную должны быть отнесены в иную группу. Сюда могут быть отнесены позиции относительно правильной квалификации представителей научного сообщества, практикующих юристов, заинтересованных организаций (например, правозащитных) и прочих частных лиц, которые не принимают официального участия в уголовно-процессуальных отношениях.

Исходя из вышеобозначенного, предлагается квалификация по критерию характеристики субъекта квалификации с учётом юридического значения выводов по результатам осуществлённой квалификации. Таким образом можно выделить следующие группы:

- итоговая квалификация. Субъектами такой квалификации выступает судебная система в целом а также органы предварительного расследования. Судебная система уполномочена осуществлять итоговую квалификацию совершённого лицом деяния по итогам рассмотрения уголовного дела и принятия по нему итогового решения с учётом прохождения контрольных и надзорных

инстанций. Органы предварительного расследования наделены возможностью осуществлять итоговую квалификацию в случае принятия решения о прекращении уголовного дела, об освобождении лица от уголовной ответственности и по иным основаниям, которые завершают процесс расследования, без необходимости согласования данного решения с судебной инстанцией;

- промежуточная квалификация стороной обвинения Данная квалификация осуществляется уполномоченными должностными лицами в процессе исполнения их обязанностей при рассмотрении сообщений о преступлениях и правонарушениях, на стадии возбуждения уголовного дела, при возможной переквалификации преступного деяния, при предъявлении обвинения, при составлении обвинительного акта или обвинительного заключения, руководителем следственного органа при разрешении вопроса об утверждении обвинительного заключения, прокурором на стадии проверки обвинительного заключения, государственным обвинителем при принятии решения о принесении прокурорских протестов на принятые судебные решения и т.п.;
- частная квалификация лиц, имеющих предусмотренный законом интерес связанный с деянием являющимся предметом уголовно-правовой квалификации. Это прежде заявитель, лицо, которое считает, что в результате совершённого деяния его права и свободы были нарушены, ему был причинен вред (потерпевший, гражданский истец), его представители, лицо совершившее деяние (лицо, в отношении которого подано заявление о совершении преступления, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осуждённый, гражданский ответчик), его представители (в т.ч. защитники), иные лица. Позиция данных лиц по квалификации преступлений имеет юридическое значение для хода уголовного процесса. Эта позиция и

её аргументация, наряду с позицией стороны обвинения, рассматривается и оценивается судом;

– квалификация всех иных частных лиц, кроме перечисленных выше.

По существу, речь идёт о выражении мнения (обоснованного или нет) относительно того, является ли совершённое деяние преступлением, а если да, то какому составу преступления оно соответствует.

В подведение итогов, отметим, что существуют различные виды квалификации преступлений. Важное теоретическое и практическое значение приобретает деление квалификации на официальную и неофициальную, правильную и неправильную, а также по критерию субъектов и степени влияния на ход и результат уголовного процесса.

1.2 Основания квалификации преступлений

Как утверждается в монографии под редакцией К.В. Ображиева, «базовые положения теории квалификации уже многие десятилетия не подвергаются особому изменению, однако жизнь уголовного закона требует непрерывного развития этой теории, отражения в ней насущных проблем правоприменения» [55, с. 312]. С данным утверждением за исключением отдельных моментов, соглашается Н.В. Нешатаев. По мнению учёного на современном этапе требуют своего уточнения положения относительно оснований уголовно-правовой квалификации преступлений [38].

Как и другие категории связанные с квалификацией преступлений, её основания в уголовном законе не определены. В связи с чем, в большей степени они рассматриваются именно в уголовно-правовой доктрине. Н.Т. Идрисов предлагает следующее определение оснований квалификации преступлений: «обязательное условие, влекущее необходимость и возможность осуществления квалификации преступлений» [14, с. 148]. По мнению Н.В. Нешатаева, «основание квалификации преступлений состоит из

двух элементов. Первым элементом выступает совершенное посягательство, влекущее необходимость и возможность осуществления квалификации. Вторым элементом является конструкция, используемая для проведения квалификации, включающая в себя закрепленные в УК РФ общие признаки преступления и признаки конкретного преступления, предусмотренные статьей Особенной части УК РФ» [38, с. 84].

В целом приведённые варианты определения оснований для уголовно-правовой квалификации можно охарактеризовать как простое и детализированное. Существо используемого указанными учёными подхода заключается в том, что первым структурным элементом основания уголовно-правовой квалификации выступает условие, которое влечёт за собой саму возможность проведения квалификации. Учитывая, что предметом квалификации выступает именно деяние (его возможные интерпретации: посягательство, содеянное и т.п.), то первым основанием для её проведения выступает факт совершения такого деяния. В отсутствие предмета для квалификации сам акт квалификации является невозможным. В свою очередь, ко второму элементу квалификации относится то, на чём она основывается и она представляет собой определённую конструкцию, которая используется для достижения цели квалификации.

Как указывает Н.В. Нешатаев, «если объект квалификации отсутствует (совершенное посягательство), то не может осуществляться сама квалификация. Необходимость в квалификации возникает в том случае, когда совершается (или имеется) посягательство, требующее оценки с уголовно-правовой точки зрения. В связи с этим к первому элементу основания квалификации преступлений следует относить совершенное посягательство, которое требует оценки с уголовно-правовой точки зрения» [38, с. 86].

Второй элемент основания квалификации включает конструкцию, используемую для ее проведения, которая позволяет получить правильную уголовно-правовую оценку. В научной литературе, посвященной анализируемой проблеме, отмечается, что необходимым и единственным

основанием квалификации преступлений и уголовной ответственности служит состав преступления [20]. Данное положение признано господствующим в доктрине российского уголовного права.

Статья 8 УК РФ закрепляет, что «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом» [63]. Вместе с тем считаем, что уголовно-правовая оценка должна основываться на нормах законодательства. Такой подход позволяет не только соблюдать принципы, провозглашенные в действующем уголовном законе (прежде всего - принцип законности), но и обеспечить единообразие правоприменительной деятельности в части, касающейся квалификации.

Согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» [63]. В указанной норме закреплены общие признаки преступления: виновность, общественная опасность, противоправность и наказуемость. Наряду с этим, в нормах Особенной части УК РФ предусмотрены признаки конкретных преступлений.

Например, признаки простого убийства содержатся в ч. 1 ст. 105 УК РФ и выражены через «умышленное причинение смерти другому человеку». В данном случае при проведении квалификации используются как законодательно закрепленные признаки конкретного преступления (убийства), описанные в ч. 1 ст. 105 УК РФ, так и общие признаки преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 14 УК РФ, которые предполагают учет и иных норм Общей части УК РФ, являющихся важными для уголовно-правовой оценки преступления.

При осуществлении квалификации используются не только статьи Особенной части УК РФ, но и примечания к статьям, «которые содержат толкование определенного понятия или дают разъяснения по порядку действия (применения) статьи» [61, с. 59]. Например, в ч. 1 ст. 158 УК РФ зафиксированы признаки простой кражи — «тайное хищение чужого

имущества», а в примечании к статье дается определение хищения, где указываются его признаки. Так, «под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества» [63]. Н.В. Нешатаев отмечает, что «при наличии в содеянном всех признаков хищения, содержащихся в примечании, признака «тайности», предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, а также признаков, предъявляемых к виновному, зафиксированных в ст. ст. 19–20 УК РФ, действия лица квалифицируются как преступление, описанное в ч. 1 ст. 158 УК РФ, - кража, т. е. тайное хищение чужого имущества» [38, с. 87].

Общие признаки преступления, закрепленные в ч. 1 ст. 14 УК РФ, применительно к конкретной ситуации детализируются и уточняются законодательно предусмотренными признаками конкретного преступления (преступлений). Вместе с тем установленных в нормах Особенной части УК РФ признаков конкретного преступления никогда не может быть достаточно для получения правильной уголовно-правовой оценки. Для верной квалификации необходимо использовать и такие нормы Общей части УК РФ, как: ст. 5 УК РФ (предусматривающая принцип вины), ст. 9 УК РФ (закрепляющая действие уголовного закона во времени), ст. 10 УК РФ (устанавливающая обратную силу уголовного закона), ст. 11 УК РФ (определяющая действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление на территории РФ), ст. 12 УК РФ, (регламентирующая действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов РФ); ч. 2 ст. 14 УК РФ (посвященная малозначительности действия (бездействия)), ст. 19 УК РФ (общие условия уголовной ответственности), ст. 20 УК РФ (предусматривающая возраст, с которого наступает уголовная ответственность), ст. 21 УК РФ (определяющая невменяемость), ст.чт. 24-26 УК РФ (определяет формы и виды вины), ст. 28 УК РФ (невиновное причинение вреда), ч. 2 ст. 30 УК РФ (устанавливающая,

что уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям) ст. 36 УК РФ (регламентирующая эксцесс исполнителя), ст.ст. 37-42 УК РФ (закрепляющие обстоятельства, исключающие преступность деяния).

Анализ положений указанных норм говорит о том, что содержащиеся в них правила, непосредственно связаны с общими признаками преступлений, они относятся ко всем без исключения составам преступлений, либо, по отдельным из них, при наличии соответствующих условий, могут быть включены в него. В качестве примера общего признака преступления можно указать на то, что деяние являющееся предметом уголовно-правовой квалификации может признаваться в качестве уголовно-наказуемого только при условии, если соблюдены требования предусмотренные ст.ст. 9-12 УК РФ относительно действия уголовного закона во времени, в пространстве и по кругу лиц.

А.В. Иваничин отмечает, что «конструкция состава преступления, признаваемого большинством правоведов юридическим основанием квалификации преступлений, не предусматривает учет таких важных и необходимых для правильной квалификации признаков, как общественная опасность и малозначительность, указанных в ст. 14 УК РФ. Поэтому в современной уголовно-правовой литературе все чаще обоснованно высказываются мнения о том, что состава преступления недостаточно для квалификации» [13, с. 24]. По мнению учёного, «для признания деяния преступлением необходимо выявить еще общественную опасность данного конкретного деяния... Только после этого будет правомерен вывод о том, что содеянное является преступлением, а не просто деянием, запрещенным уголовным законом» [7, с. 24].

Анализ судебной практики показывает, что суды при принятии решения относительно квалификации деяния подсудимого нередко оценивают совершённое им деяние на предмет общественной опасности и малозначительности. В качестве показательного примера укажем на

Приговор Гаврилов-Ямского районного суда Ярославской области от 09.10.2015 г. по делу № 1-852015. Так, «постановлением государственного инспектора по пожарному надзору Трошин как должностное лицо (председатель СПК «Нива») привлечен к административной ответственности по чч. 1, 3, 4 ст. 20.4 КоАП РФ и ему назначено административное наказание в виде штрафа. Исполняя должностные обязанности, используя свое служебное положение, он дал устное, обязательное для исполнения указание об уплате вышеуказанного штрафа за счет средств СПК главному бухгалтеру, который подготовил соответствующие документы и оплатил штраф» [23]. В свою очередь, «постановлением мирового судьи Трошин признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 19.5 КоАП РФ, за невыполнение в срок предписания государственного инспектора и ему назначено административное наказание в виде штрафа. Трошин отдал аналогичные первым распоряжения главному бухгалтеру об оплате штрафа» [54].

При этом, «следственным органом содеянное Трошиным было квалифицировано по ч. 3 ст. 160 УК РФ (два преступления). Однако судом он оправдан в совершении указанных преступлений. Анализ обстоятельств совершенных им деяний, небольшой объем материального ущерба, отсутствие в материалах дела доказательств того, что интересам СПК «Нива» причинен существенный вред, не позволяют сделать однозначный вывод, что содеянное обладает признаками достаточной общественной опасности, поэтому деяния в силу малозначительности не являются преступлениями. Таким образом, вполне обоснованно общественная опасность признается сущностным признаком преступления» [54].

Анализ обстоятельств указанного дела показывает, что «формально в действиях подсудимого содержатся все элементы и признаки состава преступления, однако он признан невиновным и освобожден от уголовной ответственности. Как видно из указанного примера, при квалификации действий председателя СПК и принятии решения по делу суд основывался на

законодательно предусмотренных конкретных признаках преступления (ч. 3 ст. 160 УК РФ) и требованиях ст. 14 УК РФ. Ключевую роль в правильной уголовно-правовой оценке сыграл такой общий признак преступления, как общественная опасность (ч. 1 ст. 14 УК РФ), и малозначительность (ч. 2 ст. 14 УК РФ). Приведенный пример из судебно-следственной практики еще раз подтверждает неспособность конструкции состава преступления быть единственным достаточным основанием квалификации преступлений, а также основанием уголовной ответственности, так как его использование не всегда позволяет получить правильную уголовно-правовую оценку» [29, с. 53].

Сама по себе конструкция состава преступления не содержит сведений о стадиях совершения преступления, множественности преступлений, соучастии и т. д., но их необходимо учитывать при осуществлении уголовно-правовой оценки. Так, состав ничего не говорит о том, что приготовление к преступлению небольшой или средней тяжести не подлежит квалификации как преступление и не влечет уголовную ответственность. Согласно ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям. Выполнение данного законодательного требования является обязательным при осуществлении квалификации и решении вопроса о реализации уголовной ответственности или ее исключении.

В связи с этим, представляется, что сложившийся в отечественной уголовно-правовой доктрине и доминирующей длительное время подход, определяющий в качестве основания уголовной ответственности состав преступления, не является верным. Анализ уголовного законодательства, правоприменительной практики, последних исследований в данном направлении, показывает, что основанием квалификации преступления выступают не только признаки состава преступления, но и другие предусмотренные законом правила и условия наступления, ненаступления уголовной ответственности. Всё перечисленное может быть обозначено как

признаки преступления которые объединяют в себе общие (предусмотренные Общей частью УК РФ) и специальные (предусмотренные конкретной нормой Особенной части УК РФ).

1.3 Проблема правил квалификации преступлений

В первую очередь, обратим внимание на понимание правил квалификации преступлений. В науке уголовного права следует выделить таких учёных, как Л.Д. Гаухман, А.В. Корнеева и Р.А. Сабитов, которые занимались фундаментальным анализом данного явления. В частности, Л.Д. Гаухман определяет правила квалификации преступлений в качестве приёмов и способов применения уголовного закона. В качестве источника таких приёмов и способов учёный указывает на уголовный закон, постановления пленумов верховных судебных инстанций, судебную практику нижестоящих судов и уголовно-правовую теорию [9]

С таким подходом в целом согласен и Н.Т. Идрисов, который обращает внимание на комплексную природу института квалификации преступлений. При этом правила квалификации преступлений определяются им в качестве нормативно-правовых и ненормативно-правовых предписаний, которые регулируют такие процессы, как «соотнесение акта поведения индивида с составом преступления, во-вторых, порядок применения уголовного закона при процессуальном оформлении вывода о совершении лицом преступления» [14, с. 7]. Обратим внимание, что указанным учёным правила квалификации фактически идентифицируются в качестве уголовно-правового и процессуального института, поскольку указывается именно на процессуальное оформление вывода о совершённом лицом деянии. Данный вывод видится несколько спорным. Представляется, что квалификация преступлений имеет два аспекта: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный (порядок совершения процессуальных действий). Соответственно, наука уголовного права должна рассматривать исключительно уголовно-правовой аспект правил квалификации преступлений, а предлагаемые наукой уголовного права алгоритмы действий (анализа) при квалификации преступлений не относятся к процессуальным правилам.

Кроме того, встречается следующее определение правил квалификации преступлений: «нормативные предписания и общепринятые доктринальные положения, которые определяют порядок выбора уголовно-правовых норм (статей УК РФ) для оценки преступных деяний при тех или иных фактических обстоятельствах, а также фиксации результатов уголовно-правовой оценки» [22]. Данный подход также имеет свои особенности. При этом он не учитывает положения судебной практики, руководящие разъяснения высших судебных инстанций, в частности, Верховного Суда РФ, которые, безусловно, оказывают значительное влияние на позиции нижестоящих судов при квалификации действий виновных.

Другой учёный, Р.А. Сабитов правила квалификации преступлений определяет через категории «предписание» и «положение». В таких предписаниях или положениях, по мнению учёного, отражаются закономерности, которые касаются установления и юридического закрепления «точного соответствия фактических признаков общественно опасного деяния и признаков состава преступления» [59, с. 48].

Г.В. Пусурманов предпринимая попытку познать сущность правил квалификации преступлений, обращает внимание на этимологическое значение слова «правило» [56, с. 96].

Согласно толковому словарю русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова, под словом «правило» может пониматься следующее: «положение, которое определяет некоторую закономерность, постоянные «соотношения в чем-нибудь и являющееся основанием какой-нибудь системы, какого-нибудь ряда явлений, действий» [62]. Вторым вариантом понимания термина «правило» выступает его характеристика как некоторого постановления, предписания, которое определяет порядок исполнения чего либо, определённую норму [58]. В таком понимании правило наиболее тесно связано с властно-распорядительным предписанием, нормой права. Третий вариант определения термина «правило» раскрывается через правило поведения, определённый образ мыслей, обыкновение (обычай) [28].

По мнению Г.В. Пусурманова, приведённые варианты толкования слова «правило» необходимо «признать справедливыми все упомянутые определения правил квалификации преступлений, по существу отражающие их разносторонние смысловые значения» [56, с. 97]. Учёный предлагает следующее определение правил квалификации преступлений: положения уголовного законодательства, положения выработанные теорией уголовного права, правоприменительной практикой, которые отображают закономерности применения уголовного закона в процессе установлении и юридическом закреплении точного соответствия между признаками совершённого деяния и признаками состава преступления [56].

Представляется, что все вышеперечисленные предложения по пониманию правил квалификации преступлений, обладают собственными достоинствами и недостатками. Представляется, что сущность понятия «правил квалификации» преступлений заключается в том, что они необходимы для правильного разрешения вопроса о соответствии деяния совершённого лицом признакам состава преступления и иным обстоятельствам с которым уголовный закон связывает основания для уголовной ответственности, назначения наказания и т.п. Соответственно, понимание «правил» как составляющей указанного понятия необходимо исключительно с этого направления. Кроме того, правила квалификации преступлений в той или иной степени, должны способствовать достижению объективной истины. Объективная истина предполагает под собой установление достоверного знания о том или ином событии, в т.ч. с точки зрения уголовно-правовой квалификации действий лица [12]. Правила квалификации преступлений могут носить как нормативный (обязательный характер), поскольку часть из них содержится в уголовном законе, так и рекомендательный, поскольку выработаны в результате симбиоза научных положений и многолетнего практического правоприменительного опыта, в т.ч. воплощённого в руководящих разъяснениях Пленума ВС РФ.

Соответственно правила являются как нормативными предписаниями, так и научно- или практически-обоснованными рекомендациями.

К.В. Ображиев определяет правила квалификации преступлений в качестве условий «объективной, истинной, точной и полной квалификации общественно опасных деяний. Без соблюдения данных правил невозможна правильная квалификация преступлений, они разъясняют, как следует применять уголовный закон, тем самым, обеспечивая единообразие правоприменительной практики» [41, с. 168]. Данный подход определяет правила квалификации преступлений через «условия объективной, истинной и точной квалификации». Данный подход вполне обоснован поскольку он соответствует истинной цели квалификации преступлений: реализация законности. Квалификация преступлений с функциональной точки зрения представляют собой процесс правоприменения.

По мнению Г.В. Пусурманова процесс квалификации преступления представляет собой правоприменительную деятельность. В связи с этим, по мнению учёного, нормативные предписания относительно правил квалификации преступлений содержатся не только в уголовном законодательстве, но и в уголовно-процессуальном законодательстве, постольку поскольку оно содержит правило применения норм материального права [56].

Также по мнению учёного, нормативные предписания могут быть поделены в зависимости от степени их влияния на правоприменительный процесс в целом и на квалификацию преступлений в частности. Первая группа заключается в ненормативных предписаниях, которые, вместе с тем, носят обязательный характер. К такой группе учёный относит руководящие разъяснения пленумов ВС РФ, в т.ч. Верховного Суда бывшего СССР, обзоры судебной практики и вынесенные решения судебными коллегиями, Президиумом ВС РФ по конкретным уголовным делам, обзоры практики и информационные письма Генеральной прокуратуры РФ о практике применения отдельных норм уголовного законодательства и об изменениях в

действующем законодательстве. Как полагаем Г.В. Пусурманов, обозначенные ненормативные предписания в силу положений Конституции РФ, федеральных законов, фактически приобретают силу обязательных предписаний [56]. В качестве обоснования позиции учёный, среди прочего, указывает на положения Федерального закона от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», в котором указывается на право Генерального прокурора РФ руководить системой прокуратуры РФ и издавать обязательные для исполнения всеми работниками приказы, указания и распоряжения [67].

Позволим себе несколько не согласиться с высказанным мнением. В частности, Генеральная прокуратура действительно наделена полномочиями по методическому и иному информационному обеспечению процесса выполнения полномочий нижестоящими прокурорами, в т.ч. в части уголовно-правовой квалификации. Однако такая ведомственная позиция имеет внутреннюю направленность, адресована исключительно должностным лицам прокуратуры РФ и определяет особенности их позиции относительно тех или иных правил квалификации преступлений. В таком случае, к аналогичному источнику правил квалификации преступлений необходимо отнести и внутриведомственное методическое и иную информационную работу в Следственном комитете РФ, Министерства внутренних дел РФ, Федеральной службы безопасности РФ, Федеральной таможенной службы РФ (относительно подразделений дознания), Службе судебных приставов и в прочих ведомствах. При этом, необходимо понимать, что такого рода методические и прочие разъяснения, среди прочего, ориентируются на позиции изложенные в руководящих разъяснениях Пленумов ВС РФ, на позиции высказанные в обзорах судебной практике, или в конкретных судебных решениях.

Безусловно, ведомственная позиция относительно использования тех или иных правил уголовно-правовой квалификации имеет место и является частью отечественной правоприменительной практики. Однако такая

позиция, в конечном итоге сталкивается с позицией стороны защиты (обычно) в судебном процессе, что в конечном итоге приводит к окончательному утверждению правильной квалификации (является ли деяние преступлением или не является, а если оно преступление, то составу какого преступления оно соответствует) в результате принятия итогового судебного акта по делу. А вот уже такой итоговый судебный акт, он же акт правосудия должен соответствовать не только букве закона, но и руководящим разъяснениям изложенным в Пленуме ВС РФ, поскольку они принимаются в целях правильного применения норм материального права. В связи с этим, позиция, изложенная в постановлении Пленума ВС РФ, как источник правил уголовно-правовой квалификации, неизбежно имеет намного большее значение для рассматриваемого процесса, чем позиции других правоохранительных ведомств.

Это обусловлено, прежде всего, монополией судебной системы на осуществление правосудия в силу принципа разделения государственной власти изложенным в ст. 10 Конституции РФ [30]. В свою очередь, согласно ст. 126 Конституции РФ, ВС РФ является высшим судебным органом по всем видам дел являющихся подсудным федеральным судам общей юрисдикции. Согласно пп. 1 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», к полномочиям ВС РФ отнесено изучение и обобщение судебной практики, на основании чего – предоставление судам руководящих разъяснений в целях правильного и единообразного применения положений законодательства при рассмотрении судами дел [66].

Далее обратимся к предписаниям ненормативным, которые не имеют обязательного характера. К таким предписаниям, как правило, относятся: сложившиеся стереотипные подходы к квалификации преступлений по уголовным делам определённого рода (например, по имущественным, по преступлениям против личности, против жизни и здоровья и т.п.); положения уголовно-правовой доктрины, носящие как традиционный устоявшийся

характер, так и вновь разработанные о правильной квалификации преступлений.

Юридическое закрепление квалификации деяния определённого лица находит своё выражение в определённом юридически значимом документе. В частности, это может быть постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, постановление о возбуждении уголовного дела в отношении определённого лица, постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительное заключение, обвинительный акт, постановление прокурора о возвращении уголовного дела для организации дополнительного расследования, определение суда о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий для его рассмотрения в суде, оправдательный или обвинительный приговор суда и прочие документы.

В определённой степени, сложившиеся в практической деятельности, правила квалификации преступлений в определённой степени представляют собой результат коллективного правосознания, коллективной правоприменительной деятельности.

Правила квалификации преступлений также дифференцируются и по иным основаниям. Так, например, Л.Д. Гаухман выделял общие, частные и единичные правила квалификаций преступлений [9, с. 44]. Приблизительно ту же точку зрения высказывает и А.В. Корнеева которая указывает на то, что основной классификацией правил квалификации преступлений является их деление на общие и специальные [23, с. 17].

Р.А. Сабитов классифицировал правила квалификации преступлений по следующим основаниям:

- по критерию элемента состава преступления к которому они относятся (в таком случае выделяются правила квалификации по объекту объективной стороне, субъективной стороне и субъекту преступления);

- в зависимости от количества деяний, которые подлежат квалификации (правила квалификации единичного и множественного преступлений);
- в зависимости от специфических форма деяния (правила квалификации неоконченных преступлений, преступлений совершённых в соучастии, множества преступлений) [59].

Отметим, что все вышеперечисленные и рассмотренные правила квалификации преступлений являются обоснованными как с теоретической, так и с практической точки зрения. Вместе с тем, действительно, основной квалификацией рассматриваемых правил следует признать общие и специальные правила квалификации. В науке существует неопределённость о том, какие именно правила необходимо относить к той или иной выделяемой группе.

Не вдаваясь в дискуссию относительно содержания общих и специальных правил преступления, укажем, что, как представляется, к общим правилам относятся те, которые распространяются на все случаи квалификации преступлений и которые основаны на законах логики и установленных в законе презумпциях. Среди таких правил можно указать на установление тождества между признаками совершённого деяния и признаками предусмотренного в законе состава преступления; установление отсутствия противоречий между нормами уголовного закона и достаточными основаниями для квалификации совершённого деяния; исключение иного варианта квалификации преступлений, правильная квалификация может быть только окончательной; правильная квалификация должна стремиться к установлению объективной истины, чему, в свою очередь, должно способствовать максимально полное установление фактов и обстоятельств, которые относятся к совершенному деянию. Таким общим правилам квалификации преступлений в наиболее полной степени соответствует квалификация по составу преступления (исходя из установления тождества объективных и субъективных признаков совершённого деяния аналогичным

признакам состава конкретного уголовного преступления). В свою очередь, к специальным правилам квалификации преступлений необходимо относить все стальные правила квалификации, предусмотренные как в законодательства, так и в других источниках таких правил: судебная практика, уголовно-правовая доктрина, правоприменительная практика правоохранительных органов.

Далее обратим внимание на проблему установления правил квалификации преступлений. К.В. Ображиев высказывает мнение о том, что в настоящий момент возникла необходимость в проведении работы по унификации правил квалификации преступлений. В этом аспекте учёный обращает внимание на практику разъяснений Пленума ВС РФ которая пошла по казуализации правил квалификации, устанавливая множество частных правил в отношении конкретных составов преступлений или их совокупности. К.В. Ображиев указывает на том, что такие частные правила имеют весьма ограниченную сферу применения, в связи с чем «намного предпочтительнее создать универсальные правила, применимые для уголовно-правовой оценки всех преступных деяний одного вида» [41, с. 171]. В рамках этого, учёный предлагает наряду с постановлениями Пленума ВС РФ о судебной практике по определённой группе преступлений, устанавливать общие и (или) специальные правила квалификации, например, по преступлениям, которые были совершены в соучастии, по неоконченным преступлениям, о совокупности преступлений и т.п.

С данным предложением необходимо согласиться. По сути, К.В. Ображиев предлагает в результате системного анализа выявить общие закономерности и условия правильной квалификации по общим направлениям, которые будут присущи всем без исключения преступлениям и отобразить данные условия в едином документе. Такая работа, как представляется, должна быть выполнена с учётом доктринальных позиций по конкретным вопросам квалификации преступлений. Среди прочего, в качестве положительного эффекта от предлагаемой реформы системы правил

квалификации преступлений будет устранение необоснованных различий в сложившихся подходах судебной практики по отдельным видам преступлений, реальное обеспечение единообразия судебной практики. При этом, принятия предлагаемых видов постановлений Пленума ВС РФ не будет исключать и продолжение практики разъяснений по отдельным группам или видам преступлений, поскольку в них будут содержаться специальные правила квалификации.

Как представляется практическая реализация данного предложения существенным образом повысит уровень теоретической обоснованности общих и специальных правил квалификации преступных деяний изложенных в постановлениях Пленума ВС РФ.

В подведение итогов написания данного параграфа также укажем на том, что правила квалификации преступлений представляют собой нормативно-обязательные и рекомендованные требования, условия и критерии в силу которых разрешается вопрос о тождестве совершённого деяния (деяний) и конкретного состава преступления. Правила квалификации должны способствовать реализации законности, поскольку необходимость их существования обусловлена необходимостью идентификации совершённого поведенческого акта как преступного или неприступного и, в случае идентификации его в качестве преступного, безальтернативное определение соответствующего такому деянию состава преступления.

Основной проблемой правил квалификации преступлений, разработанных в теории уголовного права является их ограниченное влияние на правоприменительную, в первую очередь, практику. Кроме того, в силу недостатков законотворческой деятельности, уголовной политики государства в целом, в уголовном законе возникает множество проблем и противоречий, которые следует в разрез с фундаментальными доктринальными основами уголовного права что также влияет и на формирование правил квалификации преступлений «оторванных» от соответствующих положений теории. Отдельным феноменом в данном

процессе выступают руководящие разъяснения Пленума ВС РФ по вопросам единообразного применения законов, которые являясь обязательными для судов, во многих случаях устанавливают частные правила квалификации по конкретным видам преступлений, противоречащие общей логике уголовного закона. Всё перечисленное и обуславливает проблему правил квалификации преступлений.

Одним из вариантов решения данной проблемы выступает формирование системных общих позиций Пленума ВС РФ в консенсусе с их научным обоснованием, относительно общих и специальных (родовых и видовых) правил квалификации преступлений. Подход обусловленный общими правилами квалификации преступлений должен быть единым, а установление специальных либо частных правил должно быть обусловлено исключительной необходимостью обеспечения соответствия целей и задач уголовного законодательства.

Глава 2 Состав преступления как юридическое основание квалификации преступлений

2.1 Значение состава преступления для квалификации преступлений

В среде современных исследователей можно встретить убеждение, что термин «состав преступления» в настоящее время утратил свою важность, поскольку в целях квалификации криминального посягательства необходимо лишь использование предусмотренных в уголовном законе признаков [37]. Говоря иначе, ст. 8 УК РФ можно признать не актуальной и нуждающейся в корректировке. В целях уяснения обоснованности и целесообразности таких взглядов необходимо провести анализ того, каким образом состав преступления обуславливает квалификацию соответствующего деяния. В рамках упомянутой уголовно-правовой нормы предусмотрено положение, что факт совершения деяния, которому свойственны все признаки состава преступления, регламентированного УК РФ, служит в качестве основания для привлечения совершившего его субъекта к уголовной ответственности. В этой связи, чтобы квалифицировать содеянное, компетентным органам предстоит установить состав последнего. Как известно, составом преступления охватывается ряд обязательных элементов, среди которых:

- субъект – физическое лицо, непосредственно реализовавшее преступный акт;
- объект - те общественные отношения, которые оказались нарушены посредством совершения деяния;
- субъективная сторона – вина, мотив и цель, с которыми совершено деяние;
- объективная сторона – т.е. чем выражено само действие либо бездействие виновного лица [33].

Таким образом, чтобы провести квалификацию деяния, необходим его анализ с выведением обозначенных элементов. Тем не менее, ряд ученых [4] пытаются отстоять точку зрения, что этот подход уже не актуален, полагая, что для того, чтобы классифицировать посягательство, требуется лишь сопоставить его с признаками конкретного деяния, предусмотренного УК РФ. Согласно этой позиции, нет необходимости в чем-либо еще, поскольку имеющихся сведений будет хватать для получения верных выводов. Исследователи обуславливают это имеющейся практикой и четким описанием деяний в рамках УК РФ.

В частности, рассматривается ч. 1 ст. 158 УК РФ, в которой ясно описано такое деяние, как хищение. В этом случае определение состава видится нецелесообразным, не требующим руководства специальной литературой, в той связи, что это только создаст трудности в квалификации и воспрепятствует следствию. Иначе говоря, у правоприменителя нет необходимости обращения к дополнительным квалифицирующим особенностям.

В целях оценки этой позиции необходимо провести анализ научной дефиниции уголовно-правовой квалификации. Данная категория подразумевает оценку содеянного исходя из УК РФ. В то же время авторы указывают на наличие ряда основ квалификации: логической, философской, психологической и социальной. В связи с тем, что эти основы схожи, оптимально исследовать только одну из указанного списка.

Так философский подход исходит из отношения отдельного к общему. Последним в нашем случае выступает УК РФ, в то время как отдельным – определенное посягательство. Логическое основание также подразумевает соотношение частного с общим. Тождественно используются и два других основания.

Исходя из этого можно сделать вывод, что в основе теоретического подхода также лежат признаки деяний, содержащиеся в УК РФ, в то же время состав преступлений представляется второстепенным. Следовательно,

мнение ученых, полагающих, что ст. 8 УК РФ в настоящее время не актуальна, соответствуют и теории, и практике. Тем не менее, здесь необходимо указать на наличие значительного недостатка: такой подход сводит к минимуму учет особенностей субъекта преступления, а также обстоятельств его совершения. В связи с этим, уголовный закон утрачивает свою гибкость, а в отсутствие этого качества справедливое правосудие представляется весьма затруднительным. При исследовании признаков состава объем сведений увеличивается, что способствует всестороннему взгляду на содеянное. Одновременно с этим, есть немало посягательств, где в целях их верной квалификации просто необходимо уяснить все особенности произошедшего. Например, это случаи при которых непосредственное воздействие на избрание конкретной статьи УК РФ оказывают мотивы. В частности, если при убийстве в состоянии аффекта не исследовать субъективные признаки содеянного, его верная квалификация не может быть произведена. Соответственно, в УК РФ содержатся такие статьи, для применения которых весьма необходимо определить все признаки состава деяния.

Вразрез с первой рассмотренной нами точкой зрения, ряд теоретиков напротив полагают, что без исследования признаков состава деяния его квалификацию нельзя осуществить. Более того, они убеждают, что в процессе квалификации необходимо учитывать в т. ч. социально-политические особенности [8].

Различные аспекты такого подхода видятся весьма обоснованными, в связи с чем его дальнейшее исследование не лишено целесообразности.

Следует также упомянуть о статистическом и теоретическом значении состава преступления. Мы уже отмечали, что исследование полного комплекса субъективных и объективных сторон во многом способствует уяснению того, что непосредственно заставило виновного совершить деяние, установить конкретные закономерности в действиях виновных. Исследуя эти аспекты, возможно выработать оптимальные направления для

совершенствования как уголовного закона, так и иного законодательства, сократив таким образом криминальные проявления. Таким образом, проведение анализа всех признаков состава в каждом случае видится оправданным, несмотря на то, что может вызывать определенные затруднения.

Представляется, что в рамках настоящего параграфа следует рассмотреть квалификацию деяния исходя из признаков, обозначенных УК РФ, и соотнести ее с квалификацией исходя из исследования всех признаков состава. Здесь уже на первый взгляд можно понять, что последний способ полностью поглощает первый, поскольку признаки, обозначенные УК РФ, в основном будут относиться к объекту. В то же время состав преступления – категория гораздо более обширная.

Еще раз упомянем, что исходя из ряда норм УК РФ сразу становится очевидным, что правоприменитель окажется не способен провести квалификацию содеянного, не установив все признаки состава. В основном это свойственно тем нормам УК РФ, которые устанавливают наказание за деяния, при совершении которых важным значением обладают цель и мотив.

Вместе с этим особенности субъективной стороны подлежат учету при вынесении наказания виновному: они свидетельствуют о наличии смягчающих и отягчающих обстоятельств и т. п.

Как мы убедились, состав преступления будет иметь место, когда имеются основные признаки посягательства, регламентированные УК РФ, в связи с тем, что последние охватываются рассматриваемым понятием. Точка зрения исследователей относительно того, что квалифицировать содеянное возможно исходя из признаков, предусмотренных в конкретной статье УК РФ, представляется нецелесообразной, поскольку безошибочно провести такую квалификацию возможно лишь в отношении небольшого числа преступлений.

Полагаем, следует указать на то, что на практике, при квалификации посягательств следователями, весьма распространены ошибки. При

обращении к статистическим данным можно обнаружить, что в основном они характерны для работников с небольшим стажем, не получившим достаточно практического опыта [7]. Иначе говоря, практические проблемы в этой области сопряжены не с теоретическими взглядами на состав преступления, а с компетенцией правоприменителей.

Это еще раз подтверждает ошибочность точки зрения противников учета всех признаков состава преступления. Довод о том, что анализ состава преступления в каждом случае создает препятствия и затягивает квалификацию, статистикой не поддерживается. В то же время, расширенный опыт, связанный с квалификацией преступлений, позитивно повлияет на работу следственных органов и будет способствовать предотвращению вынесения ошибочных решений [25].

Стоит отметить, что у авторов, выступающих против применения при квалификации состава преступления, имеется еще один аргумент, а именно - история [16] его возникновения. Они полагают, что эта категория существует в целях научного, теоретического восприятия преступления, в то время как на практике от нее эффекта недостаточно. Тем не менее, помимо борьбы с результатами преступных деяний, уголовное право также нацелено на их предупреждение. Соответственно, помимо сказанного выше, практическое значение состава преступления состоит еще и в профилактике криминальных актов.

То, что до введения рассматриваемой категории, компетентные органы также могли осуществлять квалификацию, является ошибочным доводом. Любая актуальная и практически значимая наука развивается, и внедрение новых вспомогательных инструментов, обуславливается стремлением избежать старых ошибок, минимизировать их количество, оптимизировать следствие.

Полагаем, что необходимо еще раз сопоставить аргументы приверженцев и противников применения при квалификации категории

состава преступления. Последние, аргументируют свою точку зрения теми фактами, что:

- этот подход обладает лишь теоретической важностью;
- содержащиеся в УК РФ признаки, достаточны для верной квалификации;
- загромождается следственный процесс, поскольку в нем анализируются данные, не имеющие значения для квалификации;
- практическая важность данной категории не подтверждается.

Иначе говоря, точка зрения исходит из того, что состав преступления выступает теоретической категорией, и ее не стоит применять в реальном следствии.

Мы не поддерживаем данную позицию, поскольку определение состава преступления способствует вынесению оптимально верной оценки криминального деяния. Верная квалификация содеянного в этом случае наиболее вероятна. Довод же о том, что перед компетентными лицами возникает необходимость установления «второстепенных» сведений, нивелируется тем, что в дальнейшем поиске улик и доказательств для обвинения, эти данные, скорее всего, понадобятся. Вместе с этим, время, затраченное на анализ состава преступления, не окажется потерянным, поскольку следствие обеспечит получение необходимых сведений на более ранних этапах процесса.

Вместе с этим, более тщательный анализ преступления и установление всех признаков его состава, обуславливается социальной важностью этого. Она выражена в том, что верная квалификация повлияет на судьбу конкретной личности. Как мы можем обнаружить, многим нормам УК РФ свойственны похожие признаки, и разнятся они лишь в деталях, установить которые изначально не всегда оказывается возможным. В качестве примера можно привести дело [53], рассмотренное одним из районных судов г. Москвы. Квалификация содеянного в качестве хулиганства, за которое назначено наказание нескольким виновным, впоследствии оказалась

обжалованной, а соответственное наказание изменено. Непосредственно факт совершения преступления не оспаривался, появление проблем обусловил только мотив, подтолкнувший на него виновных. Непосредственно он влиял на квалификацию, впоследствии измененную судебным органом.

Таким образом, нам представляется неоспоримым тот факт, что без надлежащего анализа всего комплекса объективных и субъективных признаков деяния, верная его квалификация окажется невозможной. Иначе говоря, применение категории «состав преступления» для следствия целесообразно и необходимо. Посредством нее будет возможно в полной мере получить информацию о произошедшем, предотвратить следственные ошибки и вынести справедливое решение. Соответственно, ст. 8 УК РФ видится нам актуальной и в настоящее время, и в будущем. Она направлена на обеспечение законности и справедливое наказание виновного.

2.2 Квалификация по объективным признакам преступления

На практике каждое преступное посягательство подлежит реализации конкретными орудиями, способом, средствами. Оно происходит в конкретное время, в конкретном месте, и, непременно, в конкретных условиях и обстановке. В то же время уголовно-наказуемое деяние сопровождается возникновением конкретных, вредных для общества последствий. Стоит отметить, что социально вредный результат рассматривается в качестве последствия содеянного только в тех случаях, когда он обусловлен связью с противоправным актом виновного. Все отмеченные обстоятельства охватываются внешними, объективными признаками состава криминального деяния.

Проведение квалификации содеянного по объективным признакам, выражается в определении тождества внешнего проявления криминального деяния (акта виновного) и объективной стороны состава преступления,

предусмотренного в норме УК РФ. Весьма важна при этом характеристика содеянного в качестве социально опасного, уголовно-наказуемого акта, посредством которого охраняемым интересам или наносится ущерб, или создается угроза его нанесения [45].

Объективная сторона указывает нам на то, каким образом содеянное выражается с аспекта его внешнего восприятия. Термин «объективная сторона преступления» не стоит путать с термином «объективная сторона состава определенного преступления». Понятием второго нам указывается на активную сторону содеянного, он выражается комплексом предусмотренных УК РФ признаков деяния, отражающих внешние характеристики. С такого ракурса соотношение конструкций «объективная сторона состава деяния» и «объективная сторона деяния» тождественна соотношению терминов «состав преступления» и «преступление» [65, с. 43].

Первая конструкция намного уже по числу и содержанию характеризующих ее признаков, поскольку она охватывает только те из них, наличие которых требуется для признания содеянного в качестве преступления (в этих целях, как правило, хватает указания лишь на деяние), а также его отграничения от иных схожих деяний (в частности, грабеж и кража различаются по способу реализации). В то же время, в реальности отдельному деянию присуще множество признаков (помимо объективных в т. ч.), как правило, характерных лишь конкретному посягательству, а решая вопрос относительно преступности совершенного акта, законодатель их не учитывает. В частности, любая кража обладает признаком тайного хищения чужого имущества, однако каждой отдельной краже свойственны особые место и время совершения, размеры и т.п.

Как уже было указано, самыми типичными признаками объективной стороны признаются: действие (бездействие), негативные последствия, причинная связь между первым и вторыми, а также место, обстановка, время, способ, орудия, примененные при реализации деяния. Те из вышеуказанных признаков, которые подлежат учету при квалификации деяния, признаются

обязательными для конкретного состава, в то время как все прочие - факультативными.

Имея в виду общую категорию состава преступления, не учитывая специфику нормативного закрепления объективной стороны конкретных деяний, можно сказать, что к обязательным признакам объективной стороны необходимо причислить лишь один - социально опасное деяние, совершенное посредством действия (бездействия). Такое присущее деяниям с формальным составом, за которые уголовная ответственность наступает непосредственно с момента реализации криминального акта, поскольку именно с этого момента они считаются оконченными. Что касается объективной стороны в деяниях с материальным составом, момент завершения которых сопряжен с противоправными последствиями (в частности, нанесение вреда здоровью, убийство), то в качестве ее обязательных признаков рассматриваются социально опасные действие (бездействие) и последствия, а также их причинная связь.

В качестве обязательных бывают и прочие признаки, посредством которых отражается объективная сторона деяния. Например, признак места реализации деяния, как правило, является факультативным, но для посягательств, наказание за которые установлено в ст. 260 УК РФ, ст. 313 УК РФ и др., он приобретает обязательный характер. Аналогичное можно сказать о способе, он приобретает обязательный характер для посягательств, наказание за которые установлено в п. «д», «е» ч. 2 ст. 105, ст. 158-162 УК РФ; об обстановке, - этот признак приобретает обязательный характер для посягательств, регламентированных в гл. 33 УК РФ.

Стоит указать, что производя уголовно-правовую оценку рассматриваемых признаков, необходимо руководствоваться следующим: те из них, которые не учитываются при квалификации конкретного деяния, необходимо выявлять и принимать во внимание при индивидуализации уголовного наказания.

Определенную специфику можно обнаружить при уголовно-правовой оценке длящихся и составных преступлений.

В последнем случае в объективную сторону входит не одно, а больше деяний, и при их отдельном рассмотрении, каждое будет являться самостоятельным посягательством. В частности, это наблюдается в ч. 4 ст. 111 УК РФ, устанавливающей наказание за «умышленное нанесение тяжкого вреда здоровью, по неосторожности вызвавшее смерть потерпевшего», в ст. 162 УК РФ, устанавливающей наказание за разбой и др.

Если деяние продолжается, то в объективную сторону входит несколько тождественных посягательств, направленных на один объект, имеющих единую цель, в комплексе образующих единое противоправное деяние. В частности, в качестве такового можно признать постепенное хищение деталей, для сбора из них определенной конструкции.

У длящихся деяний объективная сторона выражена постоянной реализацией определенного посягательства, в течение конкретного временного периода. Они рассматриваются в качестве окончанных с момента реализации противоправного акта либо бездействия. Здесь в качестве примера можно указать дезертирство (противоправный акт), уклонение от военной службы (противоправное бездействие). Такие деяния, признающиеся юридически завершенными, тем не менее продолжают до того времени, пока не произойдут какие-либо события, посредством которых преступление прекратится (виновный будет задержан, сам явится в военкомат и т.п.).

Важность объективной стороны подтверждается тем, что она является составляющей «основания уголовной ответственности». Основной причиной привлечения виновного к ответственности выступают не его преступные идеи, мысли и прочие субъективные характеристики, а тот факт, что они нашли выражение в социально опасном посягательстве. Говоря иначе, объективная сторона служит главным параметром оценки целей виновного, и определения особенностей субъективной стороны.

В то же время ее уголовно-правовая роль состоит в следующих аспектах:

- ее признаки зачастую являются основанием деления уголовных деяний и административных, а также прочих нарушений. Например, уголовно наказуемое злоупотребление полномочиями со стороны должностного лица, от тождественного дисциплинарного проступка отграничивается исходя из характера нарушения прав и интересов;
- предусмотренные в УК РФ ее признаки, при наличии аналогии других признаков состава, способствуют отграничению одних преступлений от других. В частности, мошенничество, разбой, грабеж, кража, будучи формами хищения, непосредственно разграничиваются исходя из объективных признаков;
- ее факультативные признаки принимаются во внимание при индивидуализации наказания, они могут способствовать его ужесточению (п. «и-н» ч. 1 ст. 63 УК РФ), а также смягчению (п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Обозначим основные правила квалификации исходя из признаков объективной стороны:

Во-первых, когда в УК РФ содержится точный список действий, посредством которых может быть совершено преступление, при его квалификации необходимо выявить тождество признаков реализованного посягательства с признаками состава, регламентированными в конкретной норме УК РФ.

Во-вторых, когда в конкретной статье УК РФ предусмотрен ряд альтернативных действий либо опасных последствий, чтобы действия виновного были квалифицированы по данной статье УК РФ требуется реализация одного из действий и появление одного из последствий. Это наблюдается в частности, в ч. 1 ст. 222 УК РФ, где содержатся такие альтернативные акты, как сбыт, приобретение, хранение, ношение и др. оружия. В то же время ч. 1 ст. 267 УК РФ необходимыми последствиями

признает нанесение крупного ущерба или тяжкого вреда здоровью. Наличие одного из данных последствий указывает на существование соответствующего состава преступления.

В-третьих, когда в конкретной норме УК РФ не предусмотрено описания деяния, а только обозначено его социально опасное последствие, то способ совершения не имеет значения (в качестве исключения выступают случаи его наличия в квалифицированном составе, как увеличивающего степень опасности деяния признака). В частности, ч. 2 ст. 167 УК РФ устанавливает наказание за умышленную ликвидацию имущества посредством взрыва, поджога либо другого опасного способа. При этом если виновный применил другие способы ликвидации (кроме упомянутых в ч. 2), его действия необходимо квалифицировать по ч. 1 ст. 167 УК РФ.

В-четвертых, когда в деянии, совершенном с умыслом, имеющим материальный состав, последствие не предусмотрено, содеянное не может быть квалифицировано в качестве оконченного. Его возможно квалифицировать лишь в качестве покушения. Так, если виновный желал совершить убийство, но смог нанести потерпевшему только тяжкий вред, это посягательство необходимо квалифицировать в качестве покушения на убийство.

В-пятых, если деяние совершено по неосторожности и вредные последствия не наступили, содеянное не должно квалифицироваться как уголовно-наказуемое деяние. Например, когда субъект допустил нарушение ПДД, и при этом им не нанесен по неосторожности кому-либо тяжкий вред здоровью, то следует признать отсутствие состава, квалифицируемого по ч. 1 ст. 264 УК РФ. В этом случае могут быть использованы административные меры (если будет установлен состав соответствующего правонарушения).

В-шестых, если в результате деяния не наступило предусмотренное в конкретной статье УК РФ дополнительное последствие, это не говорит о неоконченности посягательства, если оно не входило в умысел лица. Содеянное необходимо квалифицировать по части соответствующей статьи

УК РФ, устанавливающей ответственность за вред без этого последствия. Наличие дополнительного последствия, предусмотренного в статье УК РФ, указывает на отсутствие необходимости применения совокупности статей.

Например, если при разбойном нападении нанесен тяжкий вред здоровью, ответственность за содеянное должна наступить по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ. Если же у субъекта не имелось намерений причинить этот вред, и он не был нанесен, ответственность за содеянное должна наступить по ч. 1 ст. 162 УК РФ.

В-седьмых, когда деяние сопровождается рядом последствий, содержащихся в разных частях конкретной статьи УК РФ, квалифицировать его следует лишь согласно части, предусматривающей наказание за наиболее серьезное последствие. Данное правило содержится в некоторых разъяснениях Пленума ВС РФ. Например, если после нарушения ПДД возникли последствия, содержащиеся в ряде частей ст. 264 УК РФ, содеянное квалифицируется согласно той ее части, что предусматривает наказание за наиболее вредное последствие [51].

В-восьмых, в случаях, когда способ реализации криминального акта опаснее, чем само деяние, для которого он был использован, квалификацию следует проводить по совокупности. Так в случаях, когда при изнасиловании в целях нейтрализации сопротивления женщины ей наносится тяжкий вред здоровью, наказание за содеянное следует назначать по совокупности преступлений [48]. Вместе с этим способ может быть законодательно закреплен в качестве такового в нормах о преступлении, для которого использовался (как отягчающее обстоятельство). Тогда очевидно, что нет необходимости в квалификации по совокупности. Когда при изнасиловании в целях нейтрализации сопротивления женщины преступник ее убил, содеянное следует квалифицировать не по ст. 131 и ст. 105 УК РФ, а только по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Таким образом, важность объективной стороны подтверждается тем, что она является составляющей «основания уголовной ответственности».

Основной причиной привлечения виновного к ответственности выступают ни его преступные идеи, мысли и прочие субъективные характеристики, а тот факт, что они нашли выражение в социально опасном посягательстве. Говоря иначе, объективная сторона служит главным параметром оценки целей виновного, и определения особенностей субъективной стороны.

2.3 Квалификация по субъективным признакам преступления

Как известно, субъективная сторона деяния выражена психическим состоянием виновного, сопряженным с реализацией криминального акта.

«В отличие от объективной стороны, субъективная сторона преступления характеризует внутренние, психологические процессы, происходящие в психике виновного.

Содержание субъективной стороны преступления составляют: вина, мотив и цель. Юридическое значение каждого из этих признаков различно.

Вина - обязательный признак любого преступления. Уголовный кодекс закрепляет в ст. 5, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействия) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. И в развитие этого принципа, ст. 28 УК РФ подтверждает положение о непризнании преступлением деяния, совершенного при отсутствии вины.

Вина - это психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершаемому им общественно опасному деянию и к его преступным последствиям.

В свою очередь, правильное установление субъективной стороны преступления невозможно без раскрытия мотива и цели преступления, так как без них немислимо составить представление о характере процесса, происходящего в сознании субъекта в момент совершения преступления».

По мнению В.В. Лунеева, «только исследуя действительное хотение субъекта, можно понять его фактическое отношение к своим действиям и их

возможным последствиям, т.е. установить его реальную вину, не нарушая принципа субъективного вменения [34].

Действительно, несмотря на то, что вина - обязательный признак преступления, она не дает ответа на вопросы, почему и зачем виновный совершил преступление. На эти вопросы отвечают мотив и цель преступления, являющиеся факультативными признаками субъективной стороны преступления.

Особое место в субъективной стороне преступления занимают эмоции, т.е. переживания лица в связи с совершаемым преступлением, которые в некоторых предусмотренных законом случаях могут входить в субъективную сторону преступления.

Субъективная сторона преступления имеет важное юридическое значение, заключающееся в следующем: во-первых, в качестве составной части основания уголовной ответственности она отграничивает преступное поведение от непроступного; во-вторых, обеспечивает точную квалификацию содеянного; в-третьих, по субъективной стороне отграничивают смежные между собой составы преступления; в-четвертых, она оказывает влияние на установление степени общественной опасности деяния, лица, его совершившего, и как следствие, на индивидуализацию наказания» [32, с. 71].

«Так 06.03.2007 года коллегия по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации рассматривала надзорную жалобу по делу № 16-Д07-1 о пересмотре приговора Октябрьского районного суда Волгоградской области от 27.08.2001 года, определения судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда от 16.10.2001 года и постановления президиума Волгоградского областного суда от 15.06.2005 года. Судебная коллегия установила, что виновный, находясь в алкогольном опьянении, стал приставать к Я., затем нанес ей множественные удары руками и ногами в различные части тела, в том числе и в голову, причинив тяжкий вред здоровью, отчего потерпевшая скончалась. В надзорной жалобе осужденный просит изменить приговор суда и решения вышестоящих судебных

инстанций, и в связи с отсутствием у него умысла на убийство просит переквалифицировать его действия с ч. 1 ст.105 УК на ч.4 ст.111 УК РФ.

Судебная коллегия, изучив материалы дела, находит жалобу осужденного подлежащей удовлетворению по следующим основаниям:

Что касается действий осужденного, связанных с наступлением смерти потерпевшей Я., то они по ч. 1 ст. 105 УК РФ судом первой инстанции квалифицированы неправильно. В описательной части приговора К. стал приставать к Я., а затем нанес ей множественные удары руками и ногами в различные части тела, в том числе и в голову, причинив тяжкий вред здоровью, отчего потерпевшая скончалась. При этом в приговоре не указано, что осужденный наносил удары с целью убийства потерпевшей. Так же в приговоре не приведены доказательства, свидетельствующие о наличии у осуждённого, наносившего Я. удары, прямого или косвенного умысла на лишение ее жизни. Так же отсутствуют и сведения об этом и в приведенных в приговоре показаниях самого осужденного. Поэтому все судебные решения в указанной части подлежат изменению, действия К. следует переквалификации со ст. 105 ч. 1 УК РФ на ст. 111 ч. 4 УК РФ, поскольку он умышленно причинил тяжкий вред здоровью потерпевшей, повлекший по неосторожности ее смерть» [44].

Определенные ошибки при квалификации возникают и в том случае, когда совокупность объективных признаков указывает нам на умышленное убийство, а также в следствии неправильной юридической оценки действий обвиняемого.

«Так 22.06.2005 года Президиум Верховного суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного Э. на приговор Энского областного суда от 19.01.2004 года и кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.06.2004 года, указал: Гражданин Э. был осужден по п. «з», ч. 2 ст.105 УК РФ. В надзорной инстанции осужденный Э. ставит вопрос об изменении состоявшихся по делу судебных постановлений

вследствие неправильной юридической оценки его действий. Просит переквалифицировать его действия по эпизоду смерти потерпевшего с п. «з» ч. 2 ст. 105 на ч. 4 ст. 111 УК РФ и смягчить наказание, поскольку умысла на убийство потерпевшего он не имел. Нанося В. в темноте удары кулаком, он не только не желал смерти потерпевшего, но и не предвидел ее наступления.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев материалы дела, установил, что 14.08.2003 гражданин Э, имея умысел на хищение денежных средств, проник в дом. Находясь в доме, Э. прошел в спальню. Завладев деньгами, Э. решил причинить потерпевшему тяжкий вред здоровью, для чего нанес удар кулаком в область передней поверхности шеи потерпевшего В., от полученной травмы потерпевший скончался. В надзорной жалобе осужденный Э. просит поставить вопрос о переквалификации его действий с п. «з» ч.2 ст.105 на ч.4 ст. 111 УК РФ, в связи с тем, что умысла на убийство потерпевшего у него не было. Он не желал и не предвидел возможности наступления смерти потерпевшего при нанесении тому удара кулаком в область шеи» [52].

Как указал правоприменитель, «Э. действовал с прямым умыслом на причинение потерпевшему тяжкого вреда здоровью, так как, нанося потерпевшему, удар в шею с достаточной силой, осознавал общественную опасность своих действий, предвидел возможность причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего и желал этого. Он же действовал с косвенным умыслом на причинение смерти потерпевшему, поскольку осознавал общественную опасность своих действий, причиняя тяжкий вред здоровью потерпевшего, предвидел возможность наступления смерти потерпевшего, не желал, но относился к наступлению смерти безразлично.

Осужденный Э. в ходе предварительного следствия и в судебных инстанциях последовательно утверждал, что, нанося в темноте удар кулаком потерпевшему, он не предвидел возможности наступления от этих действий смерти. О том, что он не желал и не предвидел наступление смерти потерпевшего, свидетельствуют обстоятельства совершения преступления.

Никакого орудия для совершения убийства Э. не брал. Чтобы не быть опознанным, свет в квартире не включал. Удар, нанесенный потерпевшему в темноте, не мог гарантировать наступления смерти. Эти показания осужденного ничем не опровергнуты. О наличии у Э. более опасного намерения и предвидения наступления смерти потерпевшего ничего не говорит. Более того, из материалов дела следует, что осужденный никаких предметов для лишения жизни потерпевшего не применял, нанес лишь один удар кулаком в область шеи, специальным приемам единоборства не обучался, специальными навыками не владел. Характер действий Э., его последующее поведение также свидетельствуют об отсутствии у него прямого или косвенного умысла на лишение потерпевшего жизни.

Следовательно, вывод суда о предвидении Э. наступления от его действий смерти потерпевшего голословен и опровергается материалами уголовного дела. Отношение к смерти потерпевшего у него выразилось в форме неосторожности. При таком положении его действия подлежали квалификации по ч. 4 ст. 111 УК РФ как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего.

На основании изложенного Президиум Верховного Суда Российской Федерации постановил: Удовлетворить надзорную жалобу гражданина Э. и переквалифицировать его действия с п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 111 УК РФ» [52].

Здесь на этапе предварительного следствия была неправильно установлена субъективная сторона относительно направленности умысла виновного. При решении данного вопроса следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного, учитывать способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений, а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения.

Кроме следственных ошибок, существуют судебные ошибки, касающиеся квалификации. «Судебная ошибка — это осуждение невиновного и оправдание виновного, случаи неправильной квалификации деяния и назначение несправедливого наказания. На стадии рассмотрения уголовного дела по существу судьи так же допускают ошибки квалификации преступления. Можно выделить такие распространенные ошибки судей, как отсутствие профессионального опыта, сознательное допущение нарушения, например (конфликт интересов, человеческий фактор), а также неправильное толкование судьями нормы права. Авторы приводят пример, что в подавляющем большинстве случаев ошибка судьи предопределяется первоначальной ошибкой следователя, которую «пропустили» (не заметили) начальник следственного отдела, прокурор» [35, с. 51].

Анализируя типичные ошибки квалификации, можно выделить случаи, при которых суды, квалифицируя действия подсудимого, допускают серьезные нарушения. Речь идет о случаях явного превышения полномочий и сверх лояльных определений. К примеру, суд переквалифицирует с ч. 4 ст. 111 на ч. 1 ст. 109 УК РФ, при том, что материалы дела указывают на факты совершение умышленного преступления. Это происходит тогда, когда виновный, действуя умышленно, относится к смерти потерпевшего неосторожно, то есть не предвидит ее наступление, хотя и должен ее предвидеть. Козаченко Е.Б. указывает «на факты лжегуманности суда на основании исследования уголовных дел. Похоже, что есть обстоятельства, которые лишают судей возможности принимать справедливое и взвешенное решение, и заставляет переквалифицировать деяние с ч. 4 ст. 111 на ч. 1 ст. 109 УК РФ» [21, с. 77]. Как отмечает Е.Б. Козаченко, «в таких случаях сложно объяснить истинную причину переквалификации, если в деянии, наряду с умышленными действиями, присутствует преступное легкомыслие или небрежность по отношению к смерти потерпевшего. Поскольку виновный предвидит наступление смерти, о чем свидетельствует характер совершаемых им преступных деяний, то это должно исключать вменение

подсудимому ст. 109 УК РФ. Казус заключается в том, что при общей схожести признаков преступного легкомыслия и косвенного умысла, суды на свой страх и риск подменяют ч. 4 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 109 УК РФ» [21, с. 78].

В подтверждении теории Козаченко Е.Б. приводит пример из практики, когда «во время ссоры на личной почве, переросшей в драку, Р. нанес Н., находившемуся в состоянии алкогольного опьянения, множество ударов ногами, руками и различными предметами, в том числе в жизненно важные органы. После этого Р. с силой толкнул потерпевшего с лестницы, тот упал, ударился головой о ступени, в результате чего был причинен тяжкий вред его здоровью, от которого наступила смерть. В своих показаниях Р. утверждал, что, толкая потерпевшего, он был уверен, что Н. «крепко стоит на ногах». Это утверждение не было опровергнуто материалами уголовного дела» [43].

Следствие «квалифицировало действия Р. по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Суд, вынося приговор, согласился с доводами следственных органов о том, что Р., толкая Н. с лестницы, самонадеянно рассчитывал, что тот не упадет с нее, однако расчет его оказался необоснованным. Вместе с тем вопреки фактическим обстоятельствам уголовного дела и законам логики суд переквалифицировал действия Р. по ч. 1 ст. 109 УК РФ» [43].

Таким образом, учет субъективной стороны в процессе квалификации обуславливает установление внутреннего отношения виновного к преступлению, его социально вредным последствиям и прочим элементам уголовно-наказуемого поведения. Такое психическое отношение может быть выражено в форме неосторожности либо умысла.

Полагаем, что целесообразно разработать курсы повышения профессионального уровня, в рамках которых было бы предусмотрено изучение различных аспектов субъективной стороны уголовно-наказуемых деяний. Вместе с этим, в органах реализующих предварительное следствие, целесообразно создавать особые подразделения по «правовому контролю за правильностью квалификации», а также уделять пристальное внимание

обучению сотрудников основам квалификации деяний. Думается, что данные меры принесут практическую пользу, поскольку позволят оптимально обеспечить соблюдение прав и свобод человека.

Глава 3 Специальные правила квалификации преступлений

3.1 Квалификация при множественности преступлений

Происходят случаи, когда «одним лицом совершается не одно, а несколько преступлений, и в этих случаях существуют уголовно-правовые особенности квалификации этих преступлений и назначения за них наказания, связанные с тем, что имеет место множественность преступлений. В этих случаях обычно повышается опасность как совершаемых преступлений, так и лица, их совершившего. При этом множественность преступлений следует отличать от единых (единичных), но сложных преступлений, когда в отличие от последних, каждое совершенное лицом преступное деяние, как правило, образует самостоятельный состав преступления и квалифицируется по самостоятельной статье (или части статьи) УК РФ.

Множественность преступлений проявляется в первую очередь в совершении одним и тем же лицом двух или более преступлений. При этом учитываются только те из них, которые влекут за собой уголовно-правовые последствия (т.е. лицо не освобождается от уголовной ответственности или наказания, например, в силу истечения сроков давности, если за соответствующее преступление не погашена судимость и т.д.)» [2, с. 10].

В рамках УК РФ установлено две разновидности множественности преступлений: а) совокупность (ст. 17 УК РФ) и б) рецидив (ст. 18 УК РФ).

В свою очередь, «совокупность преступлений подразделяется на реальную (ч. 1 ст. 17 УК РФ) и идеальную (ч. 2 ст. 17 УК РФ). Реальная совокупность преступлений предполагает совершение двух или более преступных деяний, предусмотренных различными статьями или частями статьи Особенной части УК РФ, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве

обстоятельства, влекущего более строгое наказание (ч. 1 ст. 17 УК РФ). При реальной совокупности каждое из преступлений, входящих в совокупность, совершается самостоятельным действием или бездействием. Допустим, лицо совершает вначале кражу чужого имущества (ст. 158 УК РФ), а затем хулиганство (ст. 213 УК РФ). Реальная совокупность является разновидностью повторности, так как между деянием, образующим состав одного преступления, и деянием, образующим состав другого преступления, всегда существует какой-то (пусть и самый краткий) промежуток времени. В реальной совокупности одно преступление всегда является первым по времени совершения, а второе, третье и последующие - повторными. Реальную совокупность как разновидность множественности преступлений образуют лишь преступления, влекущие уголовно-правовые последствия. Поэтому нет реальной совокупности, если, например, в отношении первого преступления (той же кражи), допустим, истек срок давности привлечения к уголовной ответственности. При совокупности преступлений, в том числе и реальной, лицо несет ответственность за каждое совершенное им преступление по соответствующей статье или части статьи УК РФ (ч. 1 ст. 17 УК РФ)» [17, с. 128].

Под «совокупностью преступлений УК РФ (в первоначальной редакции) понимал совершение двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями или частями статьи Уголовного кодекса, ни за одно из которых лицо не было осуждено (ст. 17). Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 27.01.1999 № 1 он разъяснил: как сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом следует квалифицировать убийство в процессе совершения указанных преступлений. Содеянное в таких случаях квалифицируется по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ в совокупности со статьями УК РФ, предусматривающими ответственность за разбой, вымогательство или бандитизм. Чтобы внести в этот вопрос большую определенность законодатель внес следующее уточнение в формулировку понятия совокупности преступлений. Первое предложение ч. 1 ст. 17 УК РФ

он дополнил словами - за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание» [47].

Укажем, что реальную совокупность не следует путать с так называемой конкуренцией уголовно-правовых норм. «При совокупности лицо совершает два или более преступных деяний, каждое из которых образует самостоятельное преступление. При конкуренции же норм одно и то же деяние подпадает под действие двух или более уголовно-правовых норм. Например, получение взятки должностным лицом охватывается как ст. 290 УК РФ (получение взятки), так и ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями). Первая норма является специальной по отношению ко второй - общей норме, охватывающей все случаи злоупотребления должностными полномочиями, кроме тех, которые предусмотрены специальными нормами (в том числе и нормой о получении взятки). Специальная норма предусматривает ответственность за какую-то разновидность предусмотренных в общей норме преступлений (в данном случае получение взятки и есть разновидность злоупотребления должностными полномочиями). В соответствии с ч. 3 ст. 17 УК РФ, если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и ответственность лица наступает по специальной норме» [49].

При совокупности имеет место особый порядок наказания виновного.

«Второй формой (видом) совокупности преступлений является идеальная совокупность преступлений. Этот вид совокупности имеется в виду ч. 2 ст. 17 УК РФ: Совокупностью преступлений признается и одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ. Конечно, принятое в теории уголовного права наименование такого вида совокупности весьма условно. Определение «идеальная» в данном случае употребляется в сугубо юридико-техническом смысле - одно деяние образует объективную сторону

двух преступлений. Например, виновный в изнасиловании при этом еще и заражает потерпевшую венерической болезнью. Совершено одно деяние – насильственный половой акт с потерпевшей, которое (деяние) по формулировке ч. 1 ст. 17 УК РФ в редакции его принятия образовывало два самостоятельных состава преступления и, соответственно, квалифицировалось по ст. 131 УК РФ (изнасилование) и по ст. 121 УК РФ (заражение венерической болезнью)» [46].

В то же время совершение виновным одного криминального акта, которому характерны квалифицирующие особенности, установленные в разных нормах конкретной статьи УК РФ, не будет свидетельствовать о наличии идеальной совокупности.

Например, «суд первой инстанции, обоснованно признав лицо виновным по ч. 3 ст. 30 и п. «в» ч. 3 ст. 131 УК РФ в покушении на изнасилование потерпевшей, заведомо не достигшей 14-летнего возраста, совершенном с угрозой убийством, излишне дополнительно квалифицировал его действия по ч. 3 ст. 30 и п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ как покушение на изнасилование, соединенное с угрозой убийством. В данном случае, по мнению Верховного Суда РФ, действия виновного должны быть квалифицированы по части статьи, предусматривающей наиболее строгое наказание, с указанием других квалифицирующих признаков этой статьи.

По своему уголовно-правовому значению идеальная совокупность сближается с реальной совокупностью как формой (видом) повторности преступлений. Поэтому условия назначения наказания по совокупности преступлений одинаковы для случая как реальной совокупности, так и идеальной (ст. 69 УК РФ)» [1].

Как следует из ч. 1. Ст. 18 УК РФ «рецидив как разновидность повторности преступлений - это совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. При этом следует различать четыре вида рецидива: простой, опасный, особо опасный и специальный.

Простым рецидивом признается совершение любого умышленного преступления лицом, имеющим судимость за любое ранее совершенное умышленное преступление. В соответствии с ч. 2 ст. 18 УК РФ рецидив признается опасным:

а) при совершении лицом тяжкого преступления, за которое оно осуждается к реальному лишению свободы, если ранее это лицо два или более раз было осуждено к лишению свободы за умышленное преступление средней тяжести;

б) при совершении лицом тяжкого преступления, если ранее оно было осуждено за тяжкое или особо тяжкое преступление к реальному лишению свободы.

Рецидив признается особо опасным:

а) при совершении лицом тяжкого преступления, за которое оно осуждается к реальному лишению свободы, если ранее лицо два раза было осуждено за тяжкое преступление к реальному лишению свободы;

б) при совершении лицом особо тяжкого преступления, если ранее оно два раза осуждалось за тяжкое или особо тяжкое преступление или ранее осуждалось за особо тяжкое преступление» [63].

Специальный рецидив «предполагает повторное (после осуждения за первое) совершение не любого умышленного преступления, а определенного, и в свою очередь подразделяется на специальный рецидив тождественных и однородных преступлений.

Следует отметить, что в силу прямого указания закона (ч. 4 ст. 18 УК РФ) при признании рецидива не учитываются судимости за умышленные преступления небольшой тяжести, судимости за преступление, совершенное лицом до 18 лет, судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если условное осуждение или отсрочка исполнения приговора не отменялись и лицо не направлялось для отбывания наказания в

места лишения свободы, а также судимости, снятые или погашенные в порядке, установленном ст. 86 УК РФ.

Рецидив признается обстоятельством, отягчающим наказание (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ), и влечет более строгое наказание на основании и в пределах, установленных УК РФ, а также иные последствия, предусмотренные законодательством РФ (ч. 5 ст. 18 УК РФ). Так, размер наказания за рецидив не может быть ниже 1/3 части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного УК РФ за совершение преступления (ч. 2 ст. 68 УК РФ). Правда, в ч. 3 указанной статьи УК РФ сделана оговорка насчет возможности назначения и в этом случае более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, при наличии исключительных обстоятельств дела, предусмотренных ст. 64 УК РФ» [3, с. 157].

В начальной редакции УК РФ «существовала статья о такой специальной разновидности повторности (как формы множественности), как неоднократность преступлений. В соответствии с ч. 1 ст. 16 УК РФ неоднократностью преступлений признавалось совершение двух или более преступлений, предусмотренных одной и той же статьей или частью статьи УК РФ.

Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ ст. 16 была исключена из УК РФ, однако интерес в теории уголовного права к такой форме множественности преступлений не пропал, хотя однозначной оценки правотворческой операции, законодательно упразднившей ее, в уголовно-правовой литературе не существует. Дело в том, что, как известно, перед исключением из УК РФ ст. 16 в литературе высказывались взгляды, сводимые к тому, что статья УК РФ о неоднократности мешает в борьбе с преступностью в связи с тем, что из-за нее в соответствующих случаях нельзя назначить наказание по совокупности преступлений (например, как за две совершенные кражи, так и за «сто» краж). Законодатели «вняли» таким доводам и исключили ст. 16 УК РФ именно с целью усиления наказания за

совершение преступлений при их множественности (без этой статьи неоднократность могла превратиться в совокупность, что позволяло при назначении наказания применить принцип его назначения именно по совокупности преступлений).

Однако после исключения ст. 16 из Кодекса в литературе стали доказывать, что ее отмена ст. ослабила борьбу с преступностью в связи с тем, что отныне, к примеру, и вторая, и «сотая» кража при отсутствии других (кроме неоднократности) квалифицирующих обстоятельств должны квалифицироваться как простая (без отягчающих, квалифицирующих обстоятельств) кража» [10, с. 89].

Исследователи указывают, что «как это ни парадоксально, но все дело в конкретной ситуации и в конкретно назначенном судом в этом случае окончательном наказании. Рассмотрим два варианта. В первом, лицо совершило две кражи, ни за одну из которых оно не было осуждено.

Конкретизируя эту ситуацию применимо к действию ст. 16 УК РФ, содеянное квалифицировалось по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ (максимальный предел санкции - лишение свободы на срок до 5 лет). Допустим, суд вынес наказание в виде лишения свободы сроком в 3 года (что в пределах закона).

Теперь рассмотрим эту же ситуацию после «исчезновения» из УК РФ ст. 16. Налицо совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 158, а также ч. 1 ст. 158 УК РФ. Допустим, за первое преступление суд назначил наказание в виде 1 года лишения свободы, а за второе - в виде 2 лет лишения свободы (все также в пределах закона). Но совокупность преступлений на основе ст. 69 УК РФ можно применить путем полного сложения назначенных наказаний, и тогда окончательно наказание будет исчислено 3 годами лишения свободы. То есть упразднение ст. 16 УК РФ не повлияло ни на усиление, ни на смягчение наказания. Однако рассмотренный вариант лишь один из возможных.

Во втором, лицу за неоднократную кражу назначено наказание в виде 4 лет лишения свободы (что в пределах закона). А после исключения ст. 16

из УК РФ за первую кражу - 3 года, а за вторую - 4 года лишения свободы, а по совокупности преступлений - 7 лет лишения свободы (все в пределах закона). Следовательно, при таком «раскладе» наказание в связи с исключением неоднократности и из ст. 16, и из ст. 158 УК РФ (как квалифицирующего признака) значительно усилилось» [60, с. 94].

Таким образом, мы охарактеризовали возможные варианты наказания только при реализации двух краж. Безусловно, в случаях их большего количества, вероятность более строгого наказания для виновного увеличится. Полагаем, что говорить о целесообразности исключения нормы о неоднократности из УК РФ, необходимо принимая этот факт во внимание.

3.2 Квалификация неоконченных преступлений

Совершая преступление, виновному предстоит пройти через несколько этапов реализации его противоправного умысла. Вместе с этим его намерения могут и не получить окончательной реализации. В этом случае следует говорить о неоконченном преступлении, чей процесс квалификации обладает некоторыми особенностями, берущими свой исток в составах конкретных законченных преступлений, регламентированных УК РФ [11, с. 70].

Уголовный закон, давая общее понятие преступления, имеет в виду не только оконченное преступление, но и неоконченную преступную деятельность. Под стадиями совершения преступления понимаются этапы, которые проходит преступление в своем развитии от начала и до конца, отличающиеся друг от друга развитием осуществления объективной стороны преступления, а также степенью реализации умысла виновного. В теории уголовного права различаются три стадии совершения преступления:

- приготовление к преступлению;
- покушение на преступление;
- оконченное преступление.

Вместе с тем, в научной литературе излагаются мысли в отношении невозможности признания приготовления к преступлению, покушению на преступление и совершения оконченного преступления по стадиям преступления. Единство мнений ученых затрагивает вопрос о целесообразности выделения оконченного и неоконченного преступления.

В соответствии с ч. 1 ст. 29 УК РФ преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления. Согласно ч. 2 ст. 29 УК неоконченным преступлением признаются приготовление к преступлению и покушение на преступление.

Таким образом, при квалификации совершенного лицом деяния необходимо установить, совершило оно оконченное или неоконченное преступление. Следует отметить, что в уголовном законодательстве определение неоконченного преступления не содержится, обозначены лишь его виды.

Системное толкование Уголовного закона дает основание полагать, что деяние, не содержащее всех признаков состава преступления, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ, признается неоконченным преступлением. В то же время возникает вопрос относительно возможности утверждения, что отсутствие какого-либо признака соответствующего элемента состава преступления, предусмотренного статьей Особенной части УК РФ, свидетельствует о том, что лицо совершило неоконченное преступление. Например, по мнению А.И. Ситниковой, невозможность установления соответствующего признака деяния может свидетельствовать не о наличии неоконченного преступления, а об отсутствии преступления вообще [60, с. 90]. По этой причине большинство ученых утверждают, что неоконченное преступление имеет место, когда умысел виновного реализован не полностью, объективная сторона такого состава преступления не доведена до конца, реальный вред объекту посягательства не причинен. Поэтому, например, отсутствие причины или цели, как признаки субъективной стороны определенного

состава преступления, свидетельствует об отсутствии этого преступления вообще, а не о неоконченном преступлении.

Таким образом, можно утверждать, что отсутствие только определенных признаков соответствующих элементов состава преступления может свидетельствовать о том, что преступление является незаконченным.

В уголовно-правовой доктрине высказывалась также позиция, что при неоконченном преступлении отсутствует один из признаков объективной стороны состава преступления. С приведенным подходом нельзя однозначно согласиться, так как при приготовлении к преступлению вообще отсутствуют признаки объективной стороны состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК. Приведенное определение может относиться лишь к покушению на преступление с материальным составом, а приготовление к преступлению с формальным составом.

При квалификации совершенного лицом деяния, в первую очередь, необходимо выяснить, какое преступление лицо собиралось (пыталось) совершить, а затем установить все признаки данного состава преступления в его деянии. В уголовном законодательстве отсутствуют критерии отграничения незавершенного преступления от доведенного до конца. Отсюда следует признать общими признаками неоконченного преступления: а) совершение умышленного деяния, б) не доведение преступления до конца, в) по причинам, не зависящим от воли лица.

В соответствии с ч. 1 ст. 30 УК РФ приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

По мнению некоторых ученых в данной статье лучше предусмотреть либо исчерпывающий перечень действий, либо обобщенное частное понятие, которое охватывало бы всевозможные варианты приготовительных действий.

Поскольку преодоление всего многообразия приготовительных к преступлению деяний невозможно, целесообразным будет построение нормы с обобщенным частным термином. Только после формулирования такого понятия будет возможно ориентирование судов и формирования правоприменительной практики.

Для правильной квалификации приготовления к преступлению необходимо установить начальные и конечные ее моменты с целью четкого разграничения обнаружения умысла и посягательства на преступление. Начальным моментом приготовления к преступлению является совершение какого-либо деяния, направленного на приготовление к совершению определенного законченного преступления (в случае выявления умысла определенные действия, направленные на реализацию этого умысла, не совершаются). Конечный момент подготовки — это успешное завершение приготовления к совершению преступления. Поэтому его завершение является уже результатом, а не началом совершения преступления, это завершённый процесс.

Таким образом, для подготовки характерно отсутствие акта, который описан в диспозиции статьи Особенной части УК, и более полное отсутствие общественно опасных последствий. Деяния, которые присущи приготовлению к преступлению, находятся вне объективной стороны полного состава преступления. По этой причине в научной литературе приготовление к преступлению отличают от покушения на преступление по критерию начала осуществления объективной стороны состава преступления, что лицо намеревалось сделать. Однако использование данного критерия возможно только при дополнительных разъяснениях относительно того, что именно следует считать началом реализации объективной стороны состава преступления.

В связи с этим возникает вопрос о квалификации приготовления к преступлению применительно к статье из Особенной части УК, предусматривающей полное, оконченное преступление, поскольку

объективная сторона приготовления к преступлению полностью описана в нормах Общей части УК и лишь связана с нормами Особенной части УК.

В соответствии с ч. 3 ст. 30 УК покушением на преступление признается совершение лицом с прямым умыслом деяния (действия или бездействия), непосредственно направленного на совершение преступления, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК, если преступление не было доведено до конца по причинам, не зависящим от его воли.

Следует отметить, что в случае покушения на преступление исполняется часть объективной стороны полного состава преступления. Если лицо не начинает исполнять деяние, предусмотренное соответствующей статьей Особенной части УК, совершенное ни в коем случае нельзя квалифицировать как покушение на преступление. Именно поэтому, в отличие от приготовления, объективная сторона посягательства на преступление описывается как в нормах общей, так и в нормах особенной частей УК.

Для квалификации покушения на преступление важное значение имеет построение состава преступления, которое лицо пыталось совершить, поскольку из конкретного состава преступления следует установить неполноту объективной стороны этого состава преступления - отсутствие общественно опасных последствий или полное деяние в преступлениях с материальным составом или неполноту деяния в преступлениях с формальным составом. По этой причине признание лица совершившим деяние в первую очередь зависит от совершенного или неоконченного преступления, от особенностей Законодательного построения состава преступления. Покушение возможно, как на преступление, совершенное действием (активное поведение), так и на преступление, совершенное бездействием (пассивное поведение).

В теории уголовного права дискуссионным остается вопрос о критерии, который постулируется разделением посягающих на виды.

Отдельные исследователи предлагают признать таким субъективным критерием -собственное представление виновного о степени осуществления деяния при совершении преступления [69]. Другие ученые предлагают для разделения попытки на виды использовать степень реализации объективной стороны состава преступления. Считают, что объективная проверка не вполне подходит для разграничения незавершенного от полного покушения, так как объективно при совершении любого вида покушения всегда отсутствуют либо публично опасные последствия, либо не полностью совершенное деяние, как признак объективной стороны полного состава преступления.

Интересным является факт, что в научной литературе высказывается позиция «о возможности применения неоконченности к преступлениям, которые совершаются с косвенным умыслом или по неосторожности» [70, с. 43].

В процессе определения умысла субъекта на реализацию конкретного преступления, представляется существенным принятие во внимание целей и причин посягательства, поскольку зачастую именно они указывают на присутствие прямого умысла. Исходя из этого стоит отметить, что рассматриваемые преступления могут совершаться лишь с прямым умыслом.

Как представляется, в процессе квалификации неоконченных криминальных деяний, правоприменителям целесообразно руководствоваться рядом единообразных правил.

- выявление наличия всех признаков состава конкретного преступления, делает невозможным его квалификацию в качестве неоконченного;
- выявление в процессе квалификации деяния наличия вины субъекта в форме неосторожности, делает невозможным его признание в качестве неоконченного;
- все этапы реализации умышленного криминального деяния происходят последовательно, включая в себя все предшествующие

- (в частности, покушение включает уже реализованное приготовление и т.п.), однако квалификацию содеянного необходимо проводить исходя из последнего;
- для признания деяния неоконченным следует выявить тот факт, что его неполная реализация виновным, обусловлена обстоятельствами, не зависящими от воли последнего;
 - когда субъект посредством уголовно-наказуемого деяния совершал попытку причинения более тяжких последствий, чем в итоге фактически нанес, содеянное необходимо рассматривать в качестве покушения на преступление;
 - когда умысел виновного был направлен на причинение тяжких последствий, аналогичных тем, что в итоге наступили, содеянное необходимо рассматривать в качестве оконченого деяния;
 - когда в действиях виновного, реализованных им на этапе приготовления либо покушения на осуществление конкретного посягательства, обнаруживаются признаки иного уголовно-наказуемого деяния, то содеянное целесообразно квалифицировать по совокупности, в рамках которой одно деяние – окончено, а другое не окончено.

3.3 Квалификация преступлений при соучастии

Основания и пределы уголовной ответственности соучастников преступления, а также правила квалификации совершенных ими деяний регламентированы ст. 34 УК РФ. В основу законодательных предписаний ст. 34 УК РФ положены элементы двух различных теорий - акцессорной теории соучастия и теории личной (самостоятельной) ответственности соучастников.

Как указывают авторы, «сущность акцессорной теории соучастия (от лат. *accessorius* - дополнительный, добавочный) заключается в том, что

организатор, подстрекатель и пособник признаются второстепенными соучастниками по отношению к исполнителю. Следовательно, уголовно-правовая оценка преступных деяний, совершенных организатором, подстрекателем и пособником, во многом зависит от квалификации действий (бездействия) исполнителя (соисполнителей) преступления. Эта зависимость проявляется в следующем:

- деяния организатора, подстрекателя и пособника квалифицируются со ссылкой на ст. 33 УК РФ по той же статье Особенной части УК РФ, что и действия (бездействие) исполнителя (ч. 3 ст. 34 УК РФ). Однако, из этого правила допускаются исключения.
- организатору, подстрекателю и пособнику вменяются квалифицирующие признаки, которые установлены в деянии исполнителя преступления (разумеется, при соблюдении принципа субъективного вменения, т. е. при условии, что они охватывались умыслом соучастников) [24].
- в случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление (ч. 5 ст. 34 УК РФ). В этом случае в формуле квалификации вначале отражается роль конкретного соучастника (путем ссылки на ст. 33 УК РФ), а затем делается ссылка на ч. 1 или 3 ст. 30 и статью Особенной части УК РФ» [24, с. 73].

Хотелось бы отметить, «что зависимость уголовно-правовой оценки деяний организатора, подстрекателя и пособника от квалификации действий (бездействия) исполнителя не является абсолютной, поскольку в действующем уголовном законодательстве получили отражение многие постулаты теории личной ответственности соучастников. Сущность этой теории удачно выражена в ч. 1 ст. 34 УК РФ - ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия

каждого из них в совершении преступления. При квалификации деяний соучастников преступления это принципиальное положение проявляется в следующем:

- в соответствии с принципом субъективного вменения ответственность соучастников преступления ограничена содержанием их умысла. Это исключает возможность вменения соучастнику тех признаков состава преступления, которые не охватываются его умыслом. На это обстоятельство неоднократно обращала внимание высшая судебная инстанция. Так, в Обзоре качества рассмотрения окружными (флотскими) военными судами уголовных дел по первой инстанции подчеркивается, что квалифицирующие признаки состава преступления могут вменяться соучастникам только при условии установления у них умысла в отношении этих признаков» [42];
- за эксцесс исполнителя, т.е. совершение им преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников, организатор, подстрекатель и пособник уголовной ответственности не подлежат (ст. 36 УК РФ). Аналогичное правило квалификации с недавних пор применяется и к эксцессу иных соучастников преступления;
- «освобождение от уголовной ответственности исполнителя преступления не оказывает влияния на квалификацию деяний иных соучастников. В п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» разъясняется, что «освобождение лица от уголовной ответственности, в том числе в случаях, специально предусмотренных примечаниями к соответствующим статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, не означает отсутствие в деянии состава преступления, поэтому прекращение уголовного дела и (или) уголовного преследования в

таких случаях не влечет за собой реабилитацию лица, совершившего преступление» [49]. Фактическим основанием освобождения исполнителя преступления от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (в том числе и его специальными видами), примирением с потерпевшим и т. п. является его (исполнителя) позитивная посткриминальная деятельность, которая никак не может исключить уже имеющиеся признаки состава преступления. Причем эта посткриминальная деятельность исполнителя имеет индивидуальный характер (является с повинной, возмещает вред, примиряется с потерпевшим лично исполнитель, а не иные соучастники), поэтому ее уголовно-правовые последствия (освобождение от уголовной ответственности) на организатора, подстрекателя, пособника не распространяются.

Следовательно, в случае освобождения исполнителя от уголовной ответственности, деяния иных соучастников преступления должны быть квалифицированы по статье Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за совершенное исполнителем преступление, со ссылкой на ст. 33 УК РФ. Разумеется, подобная квалификация не исключает возможности последующего освобождения организатора, подстрекателя, пособника от уголовной ответственности при соблюдении соответствующих условий» [50].

Следуя общему подходу, «преступные действия (акт бездействия) исполнителя, не охватываемые умыслом других соучастников, следует квалифицировать как единолично совершенные. Поэтому квалифицирующие признаки, предполагающие совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы, при одиночном эксцессе исполнителю не вменяются. При этом действия иных соисполнителей, которые не вышли за рамки предварительной договоренности, т.е. не присоединились к эксцессу, следует

квалифицировать как совершенные в составе группы лиц по предварительному сговору» [50].

Так, «если в процессе открытого хищения группой лиц по предварительному сговору один из соисполнителей применил к потерпевшему насилие, опасное для жизни или здоровья, а второй соисполнитель после этого прекратил участие в хищении, то действия первого квалифицируются как единолично совершенный разбой, действия второго - как покушение на грабеж группой лиц по предварительному сговору» [49].

Суды «исходят из того, что эксцесс исполнителя возможен при любой форме соучастия - совершении преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, а также со стороны лиц, являющихся участниками преступного сообщества (преступной организации)» [50].

Что касается «последней формы соучастия в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 разъясняется, что в случаях, когда участник преступного сообщества (преступной организации), совершает преступление, которое не охватывалось умыслом других участников сообщества (организации) его действия как эксцесс исполнителя подлежат квалификации по соответствующей статье УК РФ без ссылки в этой части на ст. 210 УК РФ, если содеянное таким лицом совершено не в связи с планами преступного сообщества (преступной организации).

Как показывает практика, эксцесс может быть допущен не только исполнителем, но и иными соучастниками преступления, однако это обстоятельство, к сожалению, не получило отражения в УК РФ. Поскольку ст. 36 УК РФ регламентирует лишь эксцесс исполнителя, в судебной практике долгое время считалось, что эксцесс иных соучастников преступления не имеет значения для квалификации» [50].

В одном из определений «по делу В. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что обстоятельства, хотя и известные

подстрекателю, но не охватывающиеся умыслом исполнителя, не могут признаваться квалифицирующими признаками преступления, инкриминируемого как исполнителю, так и подстрекателю.

В., склоняя А. к убийству П., не говорил ему, что намерен завладеть деньгами П. от продажи ее квартиры, не предлагал ему совместно завладеть этими деньгами, не ставил исполнителя убийства в известность и о том, что потерпевшая находится в состоянии беременности, не подстрекал его к убийству беременной женщины. Осведомленность А. о беременности П. судом не установлена. В связи с тем, что В. не являлся исполнителем убийства, наличие у него корыстных побуждений и его осведомленность о беременности П. не могут учитываться при квалификации его действий.

В этом случае Верховный Суд не учел эксцесс подстрекателя при квалификации подстрекательских действий. Руководствуясь положениями акцессорной теории соучастия, высшая судебная инстанция решила, что уголовно-правовая оценка действия подстрекателя определяется квалификацией действий исполнителя» [43].

Тем не менее, «с недавних пор высший судебный орган кардинально изменил свою позицию относительно уголовно-правовой оценки эксцесса иных соучастников. Знаковым в этом отношении стало постановление Президиума Верховного Суда РФ № 27-П17 от 29.03.2017.

Судом первой инстанции установлено, что Г. организовал убийство своей жены с целью сокрытия ранее совершенного преступления - развратных действий в отношении дочери жены от первого брака и квалифицировал его действия в этой части по ч. 3 ст. 33, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ (организация убийства с целью сокрытия преступления). Действия М. – непосредственного исполнителя убийства, квалифицированы по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ переквалифицировала действия Г. на ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ, указав, что мотив (с целью скрыть другое преступление), которым в

действительности руководствовался организатор убийства - Г., был скрыт от исполнителя М. и, следовательно, мотив Г. в данном случае не влияет на правовую квалификацию его действий, поскольку он (Г.) исполнителя М. к квалифицированному убийству не склонял.

Однако Президиум Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело в порядке надзора, отменил апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам, указав следующее» [19].

При решении «вопроса о переквалификации действий организатора преступления Судебная коллегия исходила из того, что ч. 3 ст. 34 УК РФ независимо от обстоятельств, относящихся к организатору преступления (в том числе независимо от направленности умысла, от мотива, цели его действий), предполагает квалификацию содеянного им по той же норме уголовного закона, что и действия исполнителя. Однако такой вывод сделан без надлежащего анализа норм уголовного закона и без учета ряда обстоятельств, имеющих значение для правильной правовой оценки содеянного. Указанную норму уголовного закона (ч. 3 ст. 34 УК РФ) при квалификации действий организатора преступления следует истолковывать во взаимосвязи с положениями ст. 5, ч. 1 ст. 34, ч. 5 ст. 34, ст. 36 УК РФ. По смыслу ч. 3 ст. 34 УК РФ юридическая оценка действий организатора, подстрекателя, пособника производна от квалификации действий исполнителя преступления при наличии у них всех единого умысла на совершение конкретного преступления и при совершении исполнителем именно этого преступления. Нормы действующего уголовного закона не препятствуют квалификации действий соучастников и исполнителей преступления по разным статьям и разным частям одной и той же статьи Особенной части УК РФ в зависимости, в том числе, от мотива их преступного поведения, от целей, которые они преследовали, участвуя в преступлении. В соответствии с ч. 1 ст. 5 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых

установлена его вина. Данные обстоятельства не были учтены судом апелляционной инстанции при истолковании и применении положений ч. 3 ст. 34 УК РФ, что повлекло за собой существенное фундаментальное нарушение уголовного закона (неправильное его применение), повлиявшее на юридическую квалификацию действий осужденного, а значит, и на исход уголовного дела в отношении него» [51].

Таким образом, ВС РФ своим Постановлением № 27-П17 от 29.03.2017 охватил порядком квалификации, регламентированным ст. 36 УК РФ, других соучастников криминального акта, в действиях которых произошел эксцесс. В то же время ВС РФ изменил выработавшийся на практике подход к соотношению личных и акцессорных начал; предусмотрев, что правовая оценка содеянного подстрекателем, организатором, пособником обуславливается квалификацией содеянного исполнителем, только в случае существования их общего умысла на реализацию определенного криминального деяния, и в случае реализации последним непосредственно данного деяния, ВС РФ установил рамки использования акцессорного порядка уголовной оценки при сложном соучастии. Соответственно, если вышеупомянутые соучастники выходят за пределы общего умысла, акцессорный характер квалификации содеянного ими от квалификации содеянного исполнителем не допустим. При этом подлежат применению нормы о самостоятельной ответственности соучастников, что способствует наиболее верной уголовно-правовой оценки обстоятельств, находящихся за пределом умысла исполнителя.

Полагаем, что следует согласиться с данной позицией ВС РФ, она, как минимум, соответствует современному уголовному закону РФ. Несмотря на то, что рамках ст. 36 УК РФ указан порядок квалификации эксцесса со стороны исполнителя, его совершение иными соучастниками криминального деяния, необходимо оценивать аналогично. Правила квалификации к эксцессу всех участников должны являться общими, в то время как

содержание его обуславливается субъективным вменением, на что указывается в разъяснениях ВС РФ.

Заключение

В среде современных исследователей можно встретить убеждение, что термин «состав преступления» в настоящее время утратил свою важность, поскольку в целях квалификации криминального посягательства необходимо лишь использование предусмотренных в уголовном законе признаков.

Мы не поддерживаем данную позицию, поскольку определение состава преступления способствует вынесению оптимально верной оценки криминального деяния. Тщательный анализ преступления и установление всех признаков его состава, обуславливается социальной важностью этого. Многим нормам УК РФ свойственны похожие признаки, и разнятся они лишь в деталях, установить которые изначально не всегда оказывается возможным.

Представляется неоспоримым тот факт, что без надлежащего анализа всего комплекса объективных и субъективных признаков деяния, верная его квалификация окажется невозможной. Иначе говоря, применение категории «состав преступления» для следствия целесообразно и необходимо. Посредством нее будет возможно в полной мере получить информацию о произошедшем, предотвратить следственные ошибки и вынести справедливое решение. Соответственно, ст. 8 УК РФ видится нам актуальной и в настоящее время, и в будущем. Она направлена на обеспечение законности и справедливое наказание виновного.

Важность объективной стороны подтверждается тем, что она является составляющей «основания уголовной ответственности». Основной причиной привлечения виновного к ответственности выступают ни его преступные идеи, мысли и прочие субъективные характеристики, а тот факт, что они нашли выражение в социально опасном посягательстве. Говоря иначе, объективная сторона служит главным параметром оценки целей виновного, и определения особенностей субъективной стороны.

В то же время учет субъективной стороны в процессе квалификации обуславливает установление внутреннего отношения виновного к преступлению, его социально вредным последствиям и прочим элементам уголовно-наказуемого поведения. Такое психическое отношение может быть выражено в форме неосторожности либо умысла. В то же время не менее значимыми могут явиться такие элементы субъективной стороны, как цель и мотив, которые с учетом конкретного деяния могут рассматриваться как обязательные либо факультативные особенности.

Таким образом, нам представляется неоспоримым тот факт, что без надлежащего анализа всего комплекса объективных и субъективных признаков деяния, верная его квалификация окажется невозможной. Иначе говоря, применение категории «состав преступления» для следствия целесообразно и необходимо. Посредством нее будет возможно в полной мере получить информацию о произошедшем, предотвратить следственные ошибки и вынести справедливое решение. Соответственно, ст. 8 УК РФ видится нам актуальной и в настоящее время, и в будущем. Она направлена на обеспечение законности и справедливое наказание виновного.

Полагаем, что целесообразно разработать курсы повышения профессионального уровня, в рамках которых было бы предусмотрено изучение различных аспектов субъективной стороны уголовно-наказуемых деяний. Вместе с этим, в органах, реализующих предварительное следствие, целесообразно создавать особые подразделения по «правовому контролю за правильностью квалификации», а также уделять пристальное внимание обучению сотрудников основам квалификации деяний. Думается, что данные меры принесут практическую пользу, поскольку позволят оптимально обеспечить соблюдение прав и свобод человека.

Постановлением № 27-П17 от 29.03.2017 ВС РФ охватил порядком квалификации, регламентированным ст. 36 УК РФ, других соучастников криминального акта, в действиях которых произошел эксцесс. В то же время ВС РФ изменил выработавшийся на практике подход к соотношению личных

и аксессуарных начал; предусмотрев, что правовая оценка содеянного подстрекателем, организатором, пособником обуславливается квалификацией содеянного исполнителем, только в случае существования их общего умысла на реализацию определенного криминального деяния, и в случае реализации последним непосредственно данного деяния, ВС РФ установил рамки использования аксессуарного порядка уголовной оценки при сложном соучастии. Соответственно, если вышеупомянутые соучастники выходят за пределы общего умысла, аксессуарный характер квалификации содеянного ими от квалификации содеянного исполнителем не допустим. При этом подлежат применению нормы о самостоятельной ответственности соучастников, что способствует наиболее верной уголовно-правовой оценки обстоятельств, находящихся за пределом умысла исполнителя.

Полагаем, что следует согласиться с данной позицией ВС РФ, она, как минимум, соответствует современному уголовному закону РФ. Несмотря на то, что рамках ст. 36 УК РФ указан порядок квалификации эксцесса со стороны исполнителя, его совершение иными соучастниками криминального деяния, необходимо оценивать аналогично.

В процессе квалификации неоконченных криминальных деяний, правоприменителям целесообразно руководствоваться рядом единообразных правил:

- выявление наличия всех признаков состава конкретного преступления, делает невозможным его квалификацию в качестве неоконченного;
- выявление в процессе квалификации деяния наличия вины субъекта в форме неосторожности, делает невозможным его признание в качестве неоконченного;
- все этапы реализации умышленного криминального деяния происходят последовательно, включая в себя все предшествующие (в частности, покушение включает уже реализованное

приготовление и т. п.), однако квалификацию содеянного необходимо проводить исходя из последнего;

- для признания деяния неоконченным следует выявить тот факт, что его неполная реализация виновным, обусловлена обстоятельствами, не зависящими от воли последнего;
- когда субъект посредством уголовно-наказуемого деяния совершал попытку причинения более тяжких последствий, чем в итоге фактически нанес, содеянное необходимо рассматривать в качестве покушения на преступление;
- когда умысел виновного был направлен на причинение тяжких последствий, аналогичных тем, что в итоге наступили, содеянное необходимо рассматривать в качестве оконченого деяния.

Вместе с тем до настоящего времени основания, приёмы и способы квалификации преступлений не являются совершенными, что обуславливает необходимость их дальнейшего совершенствования.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.11.2013 № 33-АПУ13-18сп // СПС КонсультантПлюс.
2. Ахтанина Н.А. Институт множественности противоправного деяния в административном и уголовном законодательстве Российской Федерации // Российская юстиция. 2020. № 5. С. 9-11.
3. Благов Е.В. Признаки состава преступления: традиции и реальность // Lex russica. 2017. № 6. С. 156-165.
4. Блинов А. Г., Герасимов А. М. Уголовный проступок и его природа // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 2. С. 21-24.
5. Булгаков С.Н. Рецидив преступлений // СПС КонсультантПлюс. 2023.
6. Векленко В.В. О необходимости реформы уголовного законодательства // Актуальные проблемы уголовного права: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2010. С. 12-18.
7. Векленко В.В. Содержательная сторона квалификации преступлений / В.В. Векленко, В.Н. Нешатаев // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 1. С. 101-105.
8. Винокуров В.Н., Федорова Е.А. Объект преступления: вопросы конкуренции уголовно-правовых норм и совокупности преступлений // Современное право. 2019. № 3. С. 106-112.
9. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М. : «ЮрИнфоР». 2001. 316 с.
10. Глазкова Л.В. Квалификационные ошибки и их значение в отдельных элементах состава преступления // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 1. С. 83-91.

11. Жилкин М.Г. Оконченное и неоконченное преступления: компаративистский аспект // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 6. С. 68-76.
12. Иванов А.Г. Заблуждение и неведение в структуре вины: уголовно-правовой аспект // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 1. С. 123-130.
13. Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 31 с.
14. Идрисов Н.Т. Правила квалификации преступлений: понятие, виды, проблема правового регулирования: автореф. дис ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. 20 с.
15. Идрисов Н.Т. Правила квалификации преступлений: понятие, виды, проблемы правового регулирования: монография. Самара, 2015. 208 с.
16. Идрисов Н.Т. Основание квалификации преступлений: понятие, виды // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2016. № 13. С. 148.
17. Карпова Н.А. Общие и частные правила квалификации неоконченного преступления // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 4. С. 126-136.
18. Карпова Н.А. Неоконченная преступная деятельность (понятие и проблемы квалификации): учеб. пособ. / отв. ред. Н.Г. Кадников. М. : Юриспруденция, 2017. 80 с.
19. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.03.2012 № 36-012-2 // СПС КонсультантПлюс.
20. Квалификация преступлений: учебное пособие для вузов / О.С. Капинус [и др.]; под ред. О.С. Капинус. – 2-е изд. – М. : Изд. Юрайт, 2019. 204 с.
21. Козаченко А.Б. Лжегуманность суда или о чем свидетельствуют казусы. // Российский юридический журнал. 2014. № 6. С. 149.

22. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Г.А. Есаков и др.; под ред. Г.А. Есакова. – 7-е изд., перераб. и доп. - М. : Проспект, 2017. 736 с.
23. Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений: Учеб. пособ. / под ред. А.И. Рарога. М., 2008. 176 с.
24. Кленова Т.В. Социально-политические составляющие квалификации преступлений // Lex Russica 2015. № 10. С. 64-75.
25. Князьков А.А. Теория и практика квалификации преступлений : учеб. пособ. / А.А. Князьков. - Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль : ЯрГУ, 2018. 100 с.
26. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. 142 с.
27. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2004. 340 с.
28. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. М. : Городец, 2007. 78 с.
29. Кутуев Э.К., Лаков А.В. Тождественные ли понятия «следственные ошибки» и «следственные нарушения»? // Российский судья. 2022. № 4. С. 50-54.
30. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (в ред. от 14.03.2020) // Официальный интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., № 0001202210060013.
31. Лебедев В.М. Проблемы квалификации преступлений по признаку субъективной стороны (на примере отдельных преступлений против жизни) // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 4. С. 132-136.
32. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: монография. СПб., 2004. 188 с.

33. Лекция по теме № 24 «Теоретические основы квалификации преступлений» / Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД РФ. Ставрополь, 2014. 19 с.
34. Лунеев В.В. Субъективное вменение. М. : Спарк, 2000. 71 с.
35. Макаров С.Д. Множественность преступлений против жизни: вопросы квалификации и справедливость наказания // Законность. 2021. № 2. С. 47-51.
36. Макаров С.Д. Правила и алгоритмы квалификации преступлений в теории и практике // Уголовное право. 2013. № 4. С. 33-39.
37. Молчанов Д.М. Множественность преступлений: актуальные проблемы и теоретический опыт исследований ученых кафедры уголовного права МГЮА // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 5. С. 107-118.
38. Нешатаев В.Н. Квалификация преступлений: теория, практика, законодательная регламентация: дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2019. 176 с.
39. Нешатаев В.Н. Специальное правило квалификации преступлений // Вестник Университета «Кластер». 2022. № 2. С. 19-22.
40. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 14.01.1998 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 4.
41. Ображиев К.В. Правила квалификации преступлений: тенденции и перспективы развития // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1. С. 168-172.
42. Определение Военной коллегии Верховного Суда РФ № 4-014/03 (Обзор качества рассмотрения окружными (флотскими) военными судами уголовных дел по первой инстанции) // СПС КонсультантПлюс.
43. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.09.2010 № 1-Д10-11 // СПС КонсультантПлюс.
44. Определение Верховного Суда РФ от 06.03.2007 № 16-Д07-1 // СПС КонсультантПлюс.

45. Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Российская газета. 2008. 26 декабря.

46. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Российская газета. 2014. 12 декабря.

47. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. 199. 24 сентября.

48. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. 2013. 17 июля.

49. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 2013. 5 июля.

50. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // СПС КонсультантПлюс

51. Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 27-П17 от 29.03.2017 // ВВС РФ. 2017. № 8 // СПС КонсультантПлюс.

52. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 22.06.2005 № 306п05 // СПС КонсультантПлюс.

53. Приговор Пресненского районного суда г. Москвы по делу № 01-0164/2019. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/presnenskiy/services/cases/criminal/details/b3235e42-121c-4d70-a462-eb446b78cc23?>

54. Приговор Гаврилов-Ямского районного суда Ярославской области от 09.10.2015 г. по делу № 1-852015 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.tu/regular/doc/Foud3DQgUFds/> (дата обращения: 29.11.2022).
55. Проблемы квалификации преступлений: монография / под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. - М. : Проспект. 2018. 464 с.
56. Пусурманов Г.В. О правилах квалификации преступлений // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2019. № 1. С. 96-99.
57. Пыленко И.П. Этапы квалификации преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2000. 28 с.
58. Рогова Н.Н. Особенности квалификации преступлений при конкуренции уголовно-правовых норм // Российский следователь. 2011. № 23. С. 22-25.
59. Сабитов Р.А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний. М., 2003. 144 с.
60. Ситникова А.И. Глава «Неоконченное преступление» УК РФ и ее законодательно-текстологическое обоснование // Lex russica. 2015. № 11. С. 83-95.
61. Табатадзе С.Т. Актуальные вопросы квалификации преступлений по признакам объективной стороны // Евразийский научный журнал. 2017. С. 59-61
62. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ. Гос. изд-во иностр. и нац. слов. 1935-1940. (4 т.) URL: http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117_tolkovuj_slovar_russkogo_jazyka_pod_red._d.n._ushakova (дата обращения: 28.11.2022).
63. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
64. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 г. № 985-XV [Электронный ресурс]. URL: <http://continent->

online.com/Document/?doc_id=30394923#pos= 1341;-60 (дата обращения: 29.11.2022).

65. Улитин И.Н. Составообразующие факультативные признаки состава преступления: осмысление понимания и значения // Российский следователь. 2023. № 2. С. 42-45.

66. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (в ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

67. Федеральный закон от 17.11.1992 г. № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 04.11.2022) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

68. Черненко Т.Г. Квалификация преступлений: вопросы теории. Кемерово, 1998. 178 с.

69. Яни П.С. Вопросы квалификации преступлений // Законность. 2018. № 3. С. 44-48.

70. Янковский Д.А. Акцессорная природа соучастия и ее влияние на наказуемость соучастников // Российский следователь. 2021. № 6. С. 42-45.